

Военные тайны XX века

Анатолий Кошкин

**Японский козырь Сталина.
От Цусимы до Хиросимы**

«ВЕЧЕ»

2012

Кошкин А. А.

Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы /
А. А. Кошкин — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-9533-6267-2

В книге профессора-востоковеда рассматривается история взаимоотношений России (СССР) и Японии на протяжении почти ста лет. На основании малоизвестных в нашей стране советских, американских и японских документов раскрывается политика и стратегия СССР в отношении Японии в годы Второй мировой войны, дипломатия внутри «Большой тройки» – СССР, США и Великобритании по дальневосточным проблемам. Значительное место в книге уделено послевоенному урегулированию между СССР и Японией, противоречию сторон по вопросам заключения формального мирного договора. Издание книги приурочено к 70-летию Пёрл-Харбора и событий 1941 года.

ISBN 978-5-9533-6267-2

© Кошкин А. А., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

От автора	5
Вместо пролога	7
Глава 1. Япония в Первой мировой войне	9
Борьба за «германское наследство»	9
Дальневосточный вопрос на Версальской конференции	15
Глава 2. Сполохи войны на Дальнем Востоке	19
«Восемь углов под одной крышей»	19
Агрессия в Китае: война и политика	29
Цели халхин-гольской авантюры	36
Глава 3. Вооруженный нейтралитет	48
«Помощь Китаю не актуальна»	48
Статья I	53
Статья II	53
Статья III	53
Нейтралитет или ненападение?	58
«Дипломатический блицкриг» в Кремле	66
Глава 4. Удар на Север или Юг?	81
Стратегия коварства	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

А. А. Кошкин
Японский козырь Сталина.
От Цусимы до Хиросимы

©Кошкин А.А., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Хотя со времени окончания Второй мировой войны прошло уже больше полувека, последствия этого главного и наиболее трагичного события ушедшего столетия продолжают влиять на отношения государств и народов и по сей день. Одним из примеров этого являются российско-японские отношения. Как известно, эти два государства до сих пор не могут заключить между собой мирный договор. Причина такого положения не только в затянувшемся территориальном споре, но и подчас в противоположных подходах к истории взаимоотношений двух стран в годы войны.

По японской версии, подписав в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете, Япония честно его соблюдала, а Советский Союз «вероломно нанес ей в 1945 г. удар в спину». В изданной в 1996 г. министерством иностранных дел Японии на русском языке для распространения среди российского населения брошюре «Северные территории Японии», в частности, утверждается: «9 августа 1945 г., три дня спустя после первой атомной бомбардировки Хиросимы и как раз в день второй атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало сомнений». Ссылаясь на «неправомерность» вступления СССР в войну, японское правительство, по существу, требует пересмотреть ее территориальные итоги.

В России (СССР) принята иная концепция, согласно которой содержание пакта о нейтралитете было выхолощено в годы Второй мировой войны, когда Япония, заняв в германо-советской войне враждебную СССР позицию, до 1943 г. реально угрожала нападением на советский Дальний Восток и Сибирь, вела против Советского Союза необъявленную войну на море, совершала различного рода провокации. Проводимая Японией по договоренности с Германией политика сковывания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке значительно осложняла военное положение СССР, затягивала борьбу с Германией, вела к увеличению жертв в войне. Это нарушало положения пакта о нейтралитете, ставило Японию в положение враждебной страны, что во многом и предопределило участие СССР в разгроме милитаристской Японии в коалиции союзных держав.

Анализ японской исторической литературы о Второй мировой войне свидетельствует о том, что, частично признавая факты подготовки Японии к нападению на СССР, японские историки нередко рассматривают эти действия как якобы вынужденные превентивные меры на случай советского нападения. А разработанный и осуществлявшийся японским верховным командованием план подготовки и проведения войны против СССР «Кантокуэн» представляется как исключительно оборонительный.

Подробному исследованию военной политики Японии в отношении СССР накануне и в годы Второй мировой войны, в том числе плану «Кантокуэн», посвящена вышедшая в 1985 г. в Японии монография «Крах стратегии “спелой хурмы”. Кто нарушил пакт о нейтралитете», а затем в 1989 г. в переработанном и расширенном варианте — и в Советском Союзе. В данной книге основное внимание автор уделил взаимоотношениям СССР со своими союзниками — США и Великобританией в войне на Тихом океане.

Дело в том, что в японской, а в последнее время — и в российской, историографии при рассмотрении обстоятельств вступления СССР в войну на Дальнем Востоке наблюдается явление, которое можно определить как «японоцентризм». В Японии очень мало работ, в которых решение советского правительства об участии в войне рассматривалось бы с позиций существа международных отношений в годы войны, выявления планов, намерений и устремлений участников антигитлеровской коалиции. Вместо этого все сводится лишь к пакту о нейтралитете, критике «экспансионизма Сталина».

В предлагаемой читателю книге рассматривается участие СССР в войне с Японией не изолированно, а в контексте взаимоотношений союзников во Второй мировой войне в целом, с учетом складывавшейся ситуации на всех театрах военных действий. При этом обращается внимание на то, что комплекс союзнических отношений охватывал не только военные, но и политические проблемы, в том числе планы послевоенного устройства мира — создания ООН и др. И это весьма существенно. Ведь уклонение СССР от выполнения своих союзнических обязательств по отношению к Японии могло привести к срыву этих планов коллективного обеспечения мира и безопасности народов.

Критически воспринимая утверждение о «сталинском экспансионизме в Азии», автор считает, что участие СССР в войне на Дальнем Востоке было важным и с точки зрения обеспечения геополитических и военно-стратегических интересов нашей страны. В отстаивании этих интересов следует усматривать не «гегемонизм» Сталина, а его заслугу как руководителя государства.

Содержание книги не ограничивается лишь рассмотрением причин и обстоятельств, обусловивших выступление СССР против Японии. Затрагивая широкий круг вопросов политики великих держав в годы войны, автор высказывает свое мнение и по ряду других, до сих пор остающихся не до конца выясненными, проблем. Знало ли японское правительство и насколько подробно о сроках нападения Германии на СССР? Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.? Какие цели преследовало японское правительство, предлагая свое посредничество в замирении СССР с Германией? Знало ли японское правительство о ялтинских договоренностях глав союзных держав по поводу Японии? Почему Сталин не ответил на просьбы Токио о посредничестве СССР в замирении Японии с США? Кто и как препятствовал советско-японскому послевоенному урегулированию? Почему до сих пор нет мирного договора с Японией? В поиске ответов на эти и многие другие вопросы автор стремился опираться главным образом на документы — советские, японские и американские. Особенно на документальные материалы, рассекреченные и опубликованные в последние годы.

Как известно, у истории «много лиц». Это ярко проявляется в исследованиях военно-исторического характера. Пожалуй, в истории еще не было войны, о которой и у победителей, и у потерпевших поражение были бы совпадающие суждения и оценки. И все же при всем разнообразии суждений, на наш взгляд, следует уходить от присущей периоду холодной войны сознательной идеологизации и политизации истории, стремиться к выработке объективных и сбалансированных оценок событий прошлого. Едва ли нужно говорить, насколько это важно для установления взаимопонимания, окончательной нормализации российско-японских отношений, достижения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества народов двух стран.

Вместо пролога

Почти сто лет назад, 8 февраля (26 января) 1904 г., без объявления войны японский флот совершил внезапное нападение на русскую эскадру у Порт-Артура.

Толчком к обострению противоречий между Японией и Россией послужила японо-китайская война 1894–1895 гг. Одержав победу в войне, Япония на мирных переговорах в японском городе Симоносэки в 1895 г. добилась территориальных приобретений, отторгнув от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров. В дальнейшие планы Японии входило овладение Кореей и Южной Маньчжурией. А это означало выход японской армии непосредственно к дальневосточным границам России. Царское правительство уже тогда в полной мере осознавало возникновение угрозы. Еще до подписания японо-китайского мирного договора в Петербурге было созвано особое совещание министров для обсуждения создавшегося положения. Выступавший на нем министр финансов С. Витте заявил, что настоящая война направлена прямо против России. «Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, — предупреждал он, — то для охраны наших владений... потребуется сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами».

Однако в то время Япония еще не располагала силами, позволявшими пойти на открытое вооруженное столкновение с державой, неизмеримо более мощной, чем Китай. Уступая объединенному давлению России, Германии и Франции, Япония была вынуждена отказаться от установления своего контроля над имевшим важное стратегическое значение Ляодунским полуостровом.

После японо-китайской войны царское правительство оказалось перед альтернативой в вопросе о том, как строить свою дальневосточную политику. Необходимо было сделать выбор при определении долгосрочного союзника России на Дальнем Востоке. И такой выбор был сделан в пользу Китая, что во многом предопределило конфронтационный характер российско-японских отношений в будущем. При этом в России также вынашивались экспансионистские планы в отношении Китая и Кореи. В то время царское правительство рассматривало расширение владений России на Азиатском континенте как нечто естественное. Такой подход объясним: в условиях, когда отчетливо проявлялось стремление держав мира к окончательному разделу Китая, Россия, одна из крупнейших империалистических держав, уже в силу географического фактора не могла остаться в стороне. Нельзя не учитывать и то, что стремление утвердиться в Корее и Маньчжурии воспринималось и как решение задачи обеспечения безопасности Российского государства на Дальнем Востоке.

Немаловажное влияние на политику держав на Дальнем Востоке оказало строительство на территории Маньчжурии российской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эта железная дорога позволила России значительно расширить проникновение российского капитала в Маньчжурию, что тревожило другие империалистические государства, включая и Японию. Важное значение имела договоренность с китайским правительством об установлении вдоль всей линии железной дороги полосы отчуждения, где размещались российские охранные формирования.

В 1901 г. по КВЖД прошел первый поезд. К этому времени Россия договорилась с Китаем об аренде на 25 лет Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Далянем (Дальним). Она получила право создать в Порт-Артуре военно-морскую базу и провести железную дорогу из Порт-Артура к КВЖД. Тем самым была достигнута желанная цель — приобретение для российского Тихоокеанского флота на китайском побережье незамерзающего порта. Порт-Артур становился основной военно-морской базой русской Тихоокеанской эскадры. В результате, как заметил современник, «Россия и Япония сблизилась до расстояния выстрела из пистолета».

Как известно, русские войска вошли в Маньчжурию во время подавления так называемого боксерского восстания. Царское правительство приняло тогда активное участие в военных действиях против китайских патриотов, выступавших за освобождение своей страны от засилья иностранцев.

Не вызывает сомнения, что стержнем российской дальневосточной политики было утверждение России в Маньчжурии на долгое время. Япония не желала мириться с таким положением и не скрывала своего намерения завоевать Северо-Восточный Китай. В Японии усилилось влияние общественных кругов, считавших необходимым, не останавливаясь перед войной с Россией, как можно скорее целиком подчинить себе Маньчжурию, с тем чтобы, переселив туда соотечественников, «превратить Маньчжурию в подлинный источник богатства и силы Японии».

Русско-японская война возникла в результате двух экспансионистских устремлений — со стороны царской России и императорской Японии. Однако инициатором и агрессором выступала Япония, нарушившая русско-японские договоры, провозглашавшие «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». В результате поражения России в войне 1904 г. Япония отторгла Южный Сахалин, утвердилась на Курильских островах, закрыв для России выход в Тихий океан.

Память о поражении в войне с японцами надолго оставалась в умах и сердцах русских людей. Тень Цусимы оказалась длинной в целое столетие, определив многие политические и военные решения Кремля в отношении своего дальневосточного соседа — Японии.

Глава 1. Япония в Первой мировой войне

Борьба за «германское наследство»

Первая мировая война вовлекла в борьбу за империалистический передел мира 38 государств, где проживала четверть населения земного шара. Хотя основные военные действия проходили на Европейском континенте, в орбиту войны были вовлечены и далекие от Старого Света территории. Особым местом соперничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в первую очередь был Китай, где к концу XIX в. все явственнее проявлялось столкновение интересов Великобритании, Франции, Германии, России и Японии. Не желали упускать свой шанс в колониальной эксплуатации Китая и США.

Масштабы распространения экспансии западных держав на китайский рынок в 1880 г. характеризовались следующими цифрами: из 385 иностранных торговых фирм в Китае было 236 английских, 65 германских, 16 французских, 37 американских. В начале XX в. удельный вес капиталовложений в Китай составил: Англии — 33,0 %, России — 31,3 %, Германии — 20,9 %, США — 2,9 %, Франции — 11,6 %, Японии — 0,1 %, Бельгии — 0,6 %, других стран — 0,05 %¹.

Опоздавшая к первоначальному разделу Китая Германия прилагала немалые усилия не только для укрепления своих позиций здесь, но и для распространения германского влияния в Восточной Азии в целом. В 1882 г. немцы под предлогом обеспечения торговых интересов направили к берегам восточного побережья Китая свои военные корабли и захватили значительный по размерам участок китайской территории в Святоу (Шаньтоу). Затем в 1884–1885 гг. Германия с целью обрести опорные пункты вблизи Китая завладела частью побережья Новой Гвинеи и Соломоновыми островами.

В 1897 г., воспользовавшись поражением Китая в войне с Японией, германский флот высадил десант в Циндао, а в 1898 г. Германия заставила китайское правительство подписать договор об уступке ей в аренду на 99 лет территорий вокруг бухты Цзяочжоу, что впоследствии позволило превратить богатую природными ресурсами провинцию Шаньдун в сферу германского влияния. Укрепляя свои позиции на Тихом океане, Германия в 1899 г. склонила Испанию продать ей острова Каролинские, Марианские и Палау, которые были административно объединены с германскими колониями в Новой Гвинее.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Германия имела в Азиатско-Тихоокеанском регионе опорные базы, которые позволяли ей успешно отстаивать свои экономические интересы в Китае и Восточной Азии в целом. Однако Германия не располагала на Востоке значительной военной силой, позволявшей ей всерьез противостоять здесь другим европейским государствам, а также Японии, которая, воодушевившись победой в Русско-японской войне 1904–1905 гг., теперь готовилась к серьезной схватке за обладание всем Китаем.

Начавшуюся Первую мировую войну рассматривали в Японии как возможность захватить прежде всего приморские районы Китая и обеспечить свой контроль над северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне вступать в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать со странами Антанты было опасно и еще не под силу Японии. Казалось,

¹ Remer J.F. Foreign Investments in China. New York, 1933. P. 70.

гораздо проще, прикрываясь союзническими отношениями с Великобританией, захватить в качестве «трофеев» германские владения в Китае и на Тихом океане.

Такие замыслы Токио вызывали серьезные опасения у государств Антанты, в первую очередь у Великобритании, не желавших усиления позиций Японии в Азии за счет европейских держав. Еще 1 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута и без участия Японии². Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские колонии и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. Лондон упорно пытался ограничить участие Японии в войне действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей, при этом оговариваясь, что на Тихом океане Япония должна ограничиваться защитой торговых путей. Токио это не устраивало.

США также рассчитывали на укрепление своей экономической мощи и рассматривали Тихий океан и омываемые его водами страны как сферу своих интересов. Выдвинув доктрину «открытых дверей» в Китае, Вашингтон стал препятствовать превращению Восточной Азии в один из театров мировой войны, в частности, протестуя против военных действий в зоне германских владений, в провинции Шаньдун. 11 августа 1914 г. правительство США обратилось к правительствам Великобритании и Германии с предложением «поддерживать статус-кво на Дальнем Востоке» до окончания войны³.

Такая политическая линия противоречила планам Японии. Еще до официального объявления Токио о вступлении в войну 15 августа японское правительство без консультаций со своей союзницей Великобританией в ультимативной форме потребовало от германского правительства вывести свои войска и корабли флота из китайских вод, а также предложило «содействие» в разоружении тех частей и кораблей, которые не в состоянии были быстро эвакуироваться. Одновременно к портам и военно-морским базам японских городов Иокосука, Куре, Сасебо подвозились для погрузки части экспедиционной армии, которая должна была отправиться к берегам Шаньдуна и к Маршалловым, Каролинским и Марианским островам на Тихом океане⁴. Для прикрытия замысла опередить другие державы в захвате германских владений премьер-министр Японии С. Окума выступал с официальными заверениями, что Япония якобы «не имеет никаких территориальных притязаний в Восточной Азии»⁵. В действительности же именно территориальные притязания лежали в основе решения Токио, вопреки пожеланиям стран Антанты и США вступить в Первую мировую войну. В еще меньшей степени японское правительство учитывало позицию самого Китая, правительство которого, заявив 6 августа о нейтралитете, обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на китайскую территорию, арендованную Германией, Великобританией, Россией и Японией, а также в китайские воды.

23 августа в Японии был обнародован манифест об объявлении войны Германии. В тот же день японская корабельная артиллерия обстреляла крепость Циндао, которую занимали немцы, а затем японский десант осадил ее с трех сторон. В 1914 г. Циндао был довольно крупным портовым городом с населением в 40 тыс. человек, из которых около 2 тыс. были европейцами, преимущественно немцами, до 1 тыс. — японцами и свыше 34 тыс. — китайцами⁶.

Против находившегося в Циндао полуторатысячного немецкого гарнизона и собранных со всего Китая 3 тыс. немцев-резервистов японцы сосредоточили 30 тыс. человек. Для пере-

² *Montgomery M.* Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 233.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. С. 271.

⁴ Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972. С. 72.

⁵ *Millard T.* Democracy and the Eastern Question. New York, 1929. P. 81–82.

⁶ *Исаков И.С.* Операция японцев против Циндао в 1914 г. М.; Л., 1941. С. 22.

броски десанта были зафрахтованы 50 транспортов, а для прикрытия операции с моря специально сформирован 2-й флот, в состав которого входили 39 боевых кораблей⁷.

Высадка японского десанта проводилась со 2 сентября по 5 октября 1914 г. Подготовка к штурму заняла целый месяц. Наконец, в ночь с 6 на 7 ноября японцами была предпринята разведка боем, в ходе которой им удалось захватить форт в центре оборонительной линии. Отсюда японские подразделения просочились в глубь обороны. И хотя на других участках оборонительной линии японцы были отбиты, но боеприпасы немцев заканчивались, в 5 часов 7 ноября комендант крепости отдал приказ о ее сдаче⁸.

Стремясь не допустить единоличного захвата Циндао японцами, китайское правительство Юань Шикая направило к крепости свои войска. Сюда же были переброшены английский отряд в 1350 человек, а также английский линкор и эсминец. Попытку привлечь к операции силы Франции и России японцы решительно отклонили. В результате крепость была взята как бы объединенными силами японцев и англичан, хотя сами японцы рассматривали взятие Циндао исключительно как свою победу.

Вслед за Циндао японские войска овладели принадлежавшей Германии железной дорогой длиной в 256 миль от порта Циндао до центра провинции Шаньдун — города Цзинань, а также захватили ряд горных и других предприятий. В результате фактически вся провинция с населением 30 млн человек оказалась под контролем Японии. В октябре — ноябре 1914 г. силами японского флота были оккупированы и островные владения Германии на Тихом океане.

На этом участие Японии в военных действиях в Первой мировой войне ограничилось. Японские потери в ней составили около 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Хотя военные действия Японии не шли ни в какое сравнение с кровопролитными сражениями в Европе, Япония рассматривала себя равноправной союзницей стран Антанты, внесшей военный вклад в победу над Германией и Австро-Венгрией, а потому считала правомочным претендовать на все германское наследство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако гарантии, что западные державы согласятся с обладанием Японией всеми оккупированными в годы войны территориями, не было. Это раздражало японское правительство, особенно военные круги, которые прямо заявляли, что господствовать в Восточной Азии должна «страна Ямато» (Япония).

18 января 1915 г. японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии в этой стране. Правительству Юань Шикая был вручен документ, получивший в истории название «21 требование». Требования были разделены на пять групп, четыре из которых включали в себя условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, хранилищ и складов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50 % необходимого ему вооружения, создавать на своей территории объединенные японо-китайские арсеналы оружия⁹. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, ставило его в зависимое положение от Японии. Речь шла уже не о правах Японии в Южной Маньчжурии

⁷ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 405.

⁸ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 406–407.

⁹ Тайхэй сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972. Т. 1. С. 26.

и восточной части Внутренней Монголии, и не о Шаньдуне, который японцы считали «завоеванным», но о фактическом установлении японского протектората над всем Китаем.

Патриотические силы Китая предприняли попытки противостоять японскому диктату, рассчитывая на поддержку США, Великобритании и Франции. Однако эти расчеты не оправдались: США и Великобритания, не желая обострять отношения с японцами, рекомендовали китайскому правительству во избежание прямого конфликта с Японией пойти на частичное удовлетворение ее требований. Для «подкрепления» своих требований Япония направила 7 тысяч дополнительных войск в Южную Маньчжурию и Шаньдун, а в начале мая объявила о мобилизации сухопутных и морских сил. Несмотря на развернувшееся по всей стране антияпонское движение, 9 мая Юань Шикай, опасаясь, что японцы прибегнут к военной силе, принял большинство условий, за исключением пятой группы требований, и 25 мая подписал соответствующие японо-китайские соглашения. День принятия «21 требования» — 9 мая — стал в Китае днем национального позора.

Китайское правительство стремилось оставаться вне мировой войны. Это соответствовало интересам Японии, которая опасалась, что, вступив в войну, Китай по ее завершении получит право голоса на переговорах о послевоенном урегулировании и станет претендовать на возвращение немецких владений в Шаньдуне.

В первые месяцы войны особого смысла в участии в ней Китая не видели и западные державы. Однако к осени 1915 г. государства Антанты стали выступать за вовлечение Китая в мировой конфликт. Большую заинтересованность в этом проявляла главным образом Франция, которая хотела получить из Китая живую силу. Заметим, что после вступления в войну Китай послал на европейский фронт 130 тыс. рабочих для тыла и подготовил экспедиционный корпус в 100 тыс. человек. Участие в войне обошлось Китаю в сумму около 200 млн китайских долл.¹⁰

Признавая возросшее влияние Японии на китайское руководство, правительства стран Антанты стали убеждать японцев побудить Китай к вступлению в войну. За свое содействие в объявлении Китаем войны Германии японское правительство требовало от Великобритании обещания поддержать претензии Токио на бывшие германские владения. Склоняясь к этому, английское правительство взамен добивалось от японцев признания прав Лондона на германские острова южнее экватора. С японскими претензиями на германские владения соглашались и Франция и Россия. В случае вступления Китая в войну против Германии в Токио рассчитывали на то, что совместное участие в войне, кроме всего прочего, теснее свяжет Китай с Японией¹¹.

К этому времени Япония имела большое влияние на китайского генерала Дуань Цижую, который после смерти Юань Шикая в июне 1916 г. стал премьер-министром Китая. Добиваясь положения полновластного хозяина Китая, генерал сделал ставку на японцев, постепенно сам превращаясь в их ставленника. При этом важную роль играла щедрая финансовая поддержка, оказывавшаяся Дуань Цижую и его окружению со стороны японского правительства. С января 1917 г. по сентябрь 1918 г. японцы оказали ему крупную финансовую помощь, передав 145 млн иен¹² — так называемые «займы Нисихары». В обмен на это японцы получали все новые концессии на железные дороги, золотые прииски, угольные и железорудные шахты, расширяли свое экономическое и политическое влияние в Китае. Одним из условий предоставления займов было согласие китайского правительства на размещение японских войск в северных районах Китая.

¹⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 291.

¹¹ Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 48.

¹² Тайхэй сэнсо си. Т. 1. С. 29. По китайским данным, «займы Нисихары», включая секретные, с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г. составили около 240 млн иен // Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 76.

16 февраля 1917 г. японское правительство добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японо-французским соглашением, а 5 марта — русско-японским соглашением¹³.

Если для Великобритании обещание передать германские владения Японии было вынужденным и всерьез расходилось с курсом Лондона на ограничение влияния Токио в Восточной Азии, то царская Россия активно поддерживала японские территориальные приобретения в Китае, рассматривая Японию как противовес Великобритании. К тому же ослабленная войной и внутренними проблемами Россия была заинтересована в японских военных поставках. Японцы обещали отправить в Россию 700 тыс. винтовок и другое вооружение на 300 млн иен.

3 июля 1916 г. между Россией и Японией был подписан договор, направленный не только против Китая, но до известной степени против Великобритании. Главный его смысл состоял в том, чтобы обеспечить в Китае в первую очередь интересы России и Японии и не допустить, чтобы Китай попал под «владычество какой-либо третьей державы». Под «третьей державой» подразумевались США и Великобритания.

Для того чтобы добиться от стран Антанты и США признания японских захватов в Китае и на Тихом океане, японское правительство прибегло к шантажу в отношении этих государств, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление Германией войны, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на западный фронт против Германии, долго не присоединялось к лондонской декларации о незаключении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект — страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытается захватить их дальневосточные владения¹⁴.

После объявления США 6 апреля 1917 г. войны Германии и Австро-Венгрии Вашингтон тоже стал соглашаться с официальным выступлением Китая на стороне держав Антанты. Однако для США это было трудное решение, ибо они опасались, что в таком случае Япония сможет установить свой контроль над армией и флотом Китая и еще больше укрепиться в нем. В Вашингтоне понимали, что с окончанием Первой мировой войны американо-японские противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только не ослабеют, а, наоборот, будут усиливаться. Поэтому американцы, как могли, противились японской экспансии в Китае, стремились уходить от обещаний поддержать японские претензии на германское наследство на Востоке. Это проявилось при достижении 4 ноября 1917 г. американо-японского соглашения, оформленного обменом нотами государственного секретаря США Р. Лансинга и посла Японии в США Н. Исии. В этом соглашении указывалось: правительство США признает, «что Япония имеет специальные интересы в Китае, в частности в той части, с которой граничат ее владения»¹⁵. Японцы толковали это положение чуть ли не как согласие США на обладание Японией не только Шаньдунской провинцией, но и всем Северным Китаем, Ляодунским полуостровом и Южной Маньчжурией. Американцы же заявляли, что термин «специальные интересы» распространяется на японские предприятия, а не на японское государство. Тем не менее это была серьезная уступка Японии, в которой проявилось стремление США не обострять отношений с Токио, жертвуя для этого интересами Китая.

¹³ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 287. Эти обязательства оставались в тайне до начала Версальской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены.

¹⁴ Эйдус Х. Япония от Первой до Второй мировой войны. М., 1946. С. 37–38.

¹⁵ Тюоку кара мита нихон киндай си. С. 78.

Итак, состоявшиеся в годы войны соглашения Японии со странами Антанты и США достигались за спиной Китая и являлись не чем иным, как сделками за счет китайского народа. Они свидетельствовали о том, что после окончания войны мировые державы готовились продолжить борьбу за раздел Китая, всячески препятствовать достижению им независимости и национального возрождения.

С конца 1917 г. еще одним объектом экспансионистских устремлений Японии стали дальневосточные владения бывшей Российской империи. 12 ноября у премьер-министра генерала Тэраути состоялось совещание по русскому вопросу. Оно приняло тактику «выжидания и наблюдения». Но с начала декабря курс на интервенцию с целью участия в расчленении России и создания марионеточных режимов на ее окраинах начал все больше привлекать внимание японских политиков. В печати стали все сильнее звучать интервенционистские мотивы. Так, 3 декабря газета «Хоти», наиболее тесно связанная с милитаристскими кругами, с циничной откровенностью писала, что независимость Сибири представляла бы особый интерес для Японии. Газета намечала границы будущего марионеточного государства — к востоку от Байкала со столицей в Благовещенске или Хабаровске. Здесь же выдвигались и объяснения, почему японские войска можно направлять в Сибирь и не следует отсылать на германский фронт во Францию¹⁶.

Сообщение о начале переговоров о заключении перемирия между Россией и странами Четверного союза было широко использовано для пропаганды интервенционистских планов. Советскому правительству приписывалось намерение оказать помощь Германии в войне против Антанты. Эта версия была особенно выгодна японцам, поскольку давала им возможность выдавать вторжение в Россию за борьбу против германской опасности. Уже к концу декабря японский генштаб закончил все необходимые расчеты, связанные с подготовкой интервенции в России. Его планы предусматривали прямую оккупацию русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии. Министерство иностранных дел Японии проявляло интерес и к вопросу о мерах контроля над Транссибирской железной дорогой. 27 декабря министр иностранных дел Мотоно открыто высказался за интервенцию.

Тем временем из России продолжали поступать неутешительные для Антанты известия (начало мирных переговоров в Брест-Литовске и т. д.). Правительства Великобритании, Франции, а затем и США вынуждены были, преодолевая свое недоверие к Японии, предоставить ей «свободу действий» на российском Дальнем Востоке. 27 февраля 1918 г. Лансинг официально сообщил о том, что США согласны на японскую интервенцию в Сибири¹⁷. Таким образом, Япония получила легальную возможность приступить к реализации своих планов в отношении России. Интервенция там была начата как коллективное мероприятие держав Антанты, США и Японии. Но довольно скоро инициатива в этом регионе перешла в руки Японии и сохранялась за ней до самого конца вооруженного вторжения.

¹⁶ Жуков Е.М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции. М., 1957. С. 661.

¹⁷ Жуков Е.М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции. М., 1957. С. 662–666.

Дальневосточный вопрос на Версальской конференции

11 ноября 1918 г. в 5 часов утра в Компьенском лесу, близ Парижа, были подписаны условия перемирия между странами Антанты и Германией. В 11 часов раздались первые выстрелы артиллерийского салюта наций в 101 залп, возвестившего об окончании Первой мировой войны¹⁸.

Япония вышла из Первой мировой войны значительно усиленной. В основном это произошло в результате резкого увеличения в годы войны японской внешней торговли. Занятые войной европейские державы были не в состоянии снабжать своими товарами внеевропейские рынки, чем и не преминула воспользоваться Япония, наводнив товарами Китай, Индию, страны Африки и южных морей. В 1918 г. японский экспорт составил 1962 млн иен против 632 млн в 1913 г., а импорт — 1662 млн иен против 729 млн в те же годы. По сравнению с 1913 г. японский экспорт за 1915–1918 гг. в среднем увеличился: в Европу — на 66 %, в Азию — на 125 %, в Северную Америку — на 113 %, в Южную Америку — на 629 %, в Африку — на 1002 %¹⁹.

С 1914 по 1919 г. объем промышленной продукции Японии вырос более чем в два раза. Японский торговый флот монополизировал перевозки на Тихом океане. Вдвое увеличился тоннаж коммерческого флота. Доходы от фрахта возросли с 40 млн иен в 1913 г. до 1 млрд иен за 1915–1918 гг. Количество доков и ремонтных баз достигло 271, что позволяло одновременно строить и ремонтировать 443 корабля общим водоизмещением более 540 тыс. тонн²⁰. В целом доход Японии за годы войны оценивался почти в 3 млрд иен²¹. Значительно увеличилась и военно-промышленная база производства вооружения для армии и военно-морского флота.

Возросший экономический и военный потенциал позволил Японии претендовать наряду со странами Антанты и США на руководящее положение на открывшейся 18 января 1919 г. мирной конференции в Париже. Хотя поначалу западные державы сомневались в целесообразности предоставления Японии на конференции равных с ними прав²², японское правительство все же добилось включения своих представителей в рабочий орган парижской конференции «Совет десяти», в который вошли по два делегата от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Японцы принимали участие и в работе «Совета четырех», состоявшего из президента США В. Вильсона, французского премьер-министра Ж. Клемансо, английского — Д. Ллойд Джорджа и итальянского — В.Э. Орландо. Японскую делегацию возглавлял маркиз К. Сайондзи.

Согласие западных держав на участие Японии в руководящих органах конференции во многом диктовалось тем, что они были весьма заинтересованы в активном участии японских войск в интервенции на советском Дальнем Востоке: «Союзники также страстно желали, чтобы Япония поставила в 1918 г. львиную долю войск для совместного экспедиционного корпуса в Сибири и взяла на себя командование»²³.

Китай же был допущен на конференцию лишь как страна, «имеющая интересы частного характера», что ставило его в один ряд с Грецией, Португалией, Гватемалой и другими малыми государствами²⁴. Однако и это не устраивало Японию, которая добивалась от китайского пра-

¹⁸ Подробнее о капитуляции Германии и ее союзников см.: История Первой мировой войны. М., 1975. Т. 2. С. 496–533.

¹⁹ Эйдуэ Х. Указ. соч. С. 49.

²⁰ Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985. С. 20.

²¹ Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940. С. 35.

²² Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1983. Т. 1. С. 23.

²³ Того С. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1966. С. 49.

²⁴ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 140.

вительства, чтобы оно поручило японской делегации защиту его интересов. Тем самым Япония стремилась продемонстрировать европейским державам и США, что Китай уже стал зависимым от Токио государством. Когда этого сделать не удалось, японцы приложили немалые усилия, чтобы в состав китайской делегации вошли японские ставленники из клики Дуань Цижуня. И они этого добились — китайскую делегацию возглавил прояпонски настроенный министр иностранных дел пекинского правительства Лу Чжэнсян, в свое время подписавший соглашение с Японией, заключенное на основе «21 требования». Однако в состав делегации были включены и сторонники США и Великобритании — посланник Китая в США Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку — так он изменил свое имя, чтобы иностранцам было легче его произносить), посланник Китая в Великобритании Ши Чжаоцзи и др.

На китайскую делегацию правительством страны были возложены следующие задачи: 1. Возвращение Китаю Шаньдуна и ликвидация договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе «21 требования». 2. Ликвидация всех особых прав и привилегий иностранных держав в Китае. Под этим понимались: а) ликвидация сфер влияния; б) вывод с территории Китая иностранных военных и полицейских частей; в) ликвидация почтовых учреждений и радиостанций иностранных держав в Китае; г) отказ от консульской юрисдикции; д) возвращение Китаю «арендованных» территорий и селтльментов; е) предоставление Китаю таможенной самостоятельности. 3. Ликвидация всех политических и экономических прав Германии и Австро-Венгрии в Китае²⁵.

Так как удовлетворение этих требований прямо затрагивало интересы западных держав, они отказались рассматривать их. Клемансо заявил: «Мы сочувствуем этим пожеланиям Китая, но этот вопрос (о ликвидации неравноправных договоров. — А.К.) не имеет отношения к вопросу о прошедшей войне, поэтому он не будет обсуждаться на конференции»²⁶. Главной целью Токио на конференции было официальное признание в мирном договоре передачи Японии прав на арендованную Германией часть провинции Шаньдун и германские островные владения в Тихом океане, расположенные к северу от экватора. При этом японская делегация ссылалась на секретные соглашения 1916 и 1917 гг., в которых Великобританией, Францией и Россией признавались права Японии на эти территории, а также то, что эти японские требования признало китайское правительство Дуань Цижуня. Основываясь на этих соглашениях, японское правительство дало указание своей делегации в Париже не подписывать мирный договор без удовлетворения японских территориальных требований²⁷.

Для того чтобы подкрепить свои позиции, Япония предприняла маневр, предложив внести в устав проектировавшейся Лиги Наций пункт о полном равноправии во всех государствах иностранцев, являющихся подданными государств — членов Лиги Наций независимо от их расы или национальности. Тем самым она стремилась добиться отмены существовавших в США и британских доминионах ограничений в отношении «желтой» иммиграции. Зная, что США и Великобритания не желали включать это невыгодное для них положение в устав Лиги Наций, японцы были готовы снять его в обмен на благоприятное для них решение о «германском наследстве» в Азиатско-Тихоокеанском регионе²⁸.

Китайская делегация, рассчитывая на поддержку США, упорно пыталась добиться возвращения ей Шаньдуна. Однако из-за обструкции Японии сделать это было трудно. Китайские представители лишь один раз были допущены на заседание «Совета десяти». Не помогли ни красноречие блестяще владевшего английским языком Веллингтона Ку, ни ссылки на то, что

²⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2. С. 16.

²⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2. С. 17.

²⁷ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 18.

²⁸ *Montgomery M. Op. cit.* P. 257–258.

Шаньдун являлся колыбелью китайской цивилизации, родиной Конфуция и Мэнцзы, ни заявления о том, что соглашения 1918 г. с японцами носили временный характер.

Японский делегат Н. Макино в категорической форме требовал юридического оформления в мирном договоре согласия Германии на передачу Шаньдуна Японии как завоеванной территории. При этом, следуя указаниям Токио, японская делегация угрожала в случае нежелания «Совета десяти» удовлетворить эти требования отказаться от вступления в Лигу Наций, повторяя демарш Италии, требовавшей на конференции передачи ей ранее принадлежавшей Австро-Венгрии территории Фиуме, которая отходила Югославии.

Если Великобритания и Франция соглашались на японские требования о передаче прав на Шаньдун, то президент США Вильсон считал, что эта провинция должна быть возвращена Китаю. Американцы не желали закрепления Японии в Китае, ибо это осложняло им осуществление собственного курса на преобладающую экономическую и политическую роль в этой стране. В середине апреля 1919 г. государственный секретарь США Лансинг выдвинул компромиссный вариант, предложив передать все права Германии в Шаньдуне США, Англии, Франции, Японии и Италии. Речь шла о коллективной опеке этой территории. Япония сразу же отвергла этот вариант, не желая ни с кем делить «завоеванные» китайские земли. Вильсон продолжал дипломатические маневры, стремясь все же не допускать безраздельного господства Японии в Шаньдуне, небезосновательно опасаясь, что Токио на этом не остановится и продолжит распространение японского влияния в Китае. Однако японцы твердо отстаивали свою позицию, зная, что Вильсон был весьма заинтересован в создании Лиги Наций и приобретении в этой международной организации руководящего положения. Сопровождаемый дипломатическим скандалом демонстративный отказ Японии войти в Лигу Наций мог серьезно нарушить эти планы американского президента.

Положение Вильсона осложнилось еще больше, когда госдепартамент США, усмотрев опасность «победы» Японии в шаньдунском вопросе, открыто выразил недовольство ходом парижских переговоров. Глава дальневосточного отдела госдепартамента У. Уильямс еще 16 января направил американской делегации письмо, в котором подчеркивал, что «не может быть мира на Дальнем Востоке, пока Япония продолжает свою агрессивную политику в отношении Китая». Затем 9 апреля он выступил с меморандумом, призывавшим к «прямому возвращению Китаю прав на Шаньдун, ранее принадлежавших Германии»²⁹.

На проходивших с 22 по 28 апреля совещаниях Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа главы японской и китайской делегаций выступали отдельно. Как и опасался Вильсон, из выступления японского представителя стало ясно, что без решения в ее пользу шаньдунского вопроса Япония не подпишет мирного договора и не вступит в Лигу Наций. Не желавшие осложнять отношения с Японией и весьма заинтересованные в активном участии японских войск в вооруженной интервенции против Советской России Великобритания, Франция и Италия согласились принять японские требования. Уступил японскому давлению и Вильсон. Для того чтобы «сохранить лицо», американская делегация обставила свою уступку не как согласие с японской позицией, а как уважение японо-китайских соглашений 1915 г. и 1918 г., в которых Китай сам отказывался от Шаньдуна в пользу Японии. Объясняя свое решение пойти на уступки Японии, Вильсон заявил: «Если бы Япония ушла с конференции, то мирная конференция была бы сорвана. Единственная надежда создать сплоченный мир — образовать Лигу Наций с Японией в Лиге и тогда попытаться обеспечить справедливое отношение к китайцам не только со стороны Японии, но и Америки, Англии, Франции, России — всех тех, у которых есть концессии в Китае. Если бы Япония покинула конференцию, имелась опасность японо-русско-германского союза и возвращения к старой системе «баланса сил» в мире еще в более широких масштабах, чем даже раньше. Вильсон знал, что его решение будет «непопулярным

²⁹ *Fifield R.H.* Woodrow Wilson and the Far East. The Diplomacy of the Shantung Question. New York, 1952. P. 233.

в Америке, что китайцы будут жестоко разочарованы, что жадные японцы будут чувствовать себя триумфаторами, что он будет обвинен в нарушении собственных принципов, но тем не менее он должен работать для мирового порядка и организации против анархии и возвращения к старому милитаризму». Вся эта риторика не могла скрыть того, что США в очередной раз предали Китай, нарушив данные ему обещания.

Хотя Вильсон усматривал главную опасность для создания Лиги Наций в позиции Японии, эта опасность пришла совсем с другой стороны — из Вашингтона. Расценив решение по шаньдунскому вопросу как недопустимую уступку Японии, сенат США не ратифицировал Версальский договор и выступил против вступления США в Лигу Наций.

30 апреля были приняты решения по шаньдунскому вопросу, оформленные в статьях 156–158 Версальского договора. По этим статьям Германия отказывалась от всех прав и привилегий в Шаньдуне в пользу Японии. 7 мая Верховный совет Антанты передал Японии мандат на принадлежавшие Германии тихоокеанские острова к северу от экватора. Хотя японцы и рассчитывали, что эти острова будут переданы им не в опеку, а в собственность, в Токио согласились с этим. Япония получила под свой контроль три основные группы островов — Марианские, Маршалловы и Каролинские, а также около 1400 мелких островов, общей площадью в 800 кв. миль³⁰. Таким образом, все территориальные требования Японии были удовлетворены и японская колониальная империя значительно расширилась.

Китайская делегация отказалась подписать Версальский мирный договор. Открытое игнорирование западными державами законных интересов Китая вызвало в этой стране взрыв возмущения, что положило начало Движению 4 мая. Создавались добровольческие отряды защиты провинции Шаньдун, студенческие забастовки протеста охватили города Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Цзинань, Боадин и др. Движение 4 мая стало важным этапом в национально-освободительной борьбе китайского народа.

Мирный договор не только не «обеспечил длительный и прочный мир на земле», как это пытались утверждать творцы версальской системы, но, напротив, углубил противоречия между империалистическими державами. Это особенно ярко проявилось в ситуации вокруг Китая, где напрямую столкнулись экономические и политические интересы, прежде всего Японии и США. Шаньдунский вопрос лишний раз убедил американцев и весь мир в том, что Япония не откажется от планов добиться полного владычества в Китае и на Тихом океане. Было очевидно, что, получив дополнительные опорные базы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Япония не успокоится на достигнутом и продолжит политику вытеснения из этой части мира старых колониальных держав, будет противодействовать американской экспансии. При этом молодой японский империализм не останавливался перед перспективой добиваться своих целей любыми средствами, вплоть до вооруженной борьбы.

Проводимая в годы Первой мировой войны политика умиротворения Японии за счет интересов Китая не только не ограничила японскую экспансию, но, наоборот, поощрила все новые вооруженные захваты в Восточной Азии, проложила путь к еще более кровопролитной Второй мировой войне.

³⁰ Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии / Пер. с англ. М., 1934. С. 301.

Глава 2. Сполохи войны на Дальнем Востоке

«Восемь углов под одной крышей»

После окончания Первой мировой войны и победы пролетарской революции в России среди азиатских народов активизировалось национально-освободительное движение. Это препятствовало осуществлению замыслов Японии по вытеснению из Восточной Азии и бассейна Тихого океана европейских государств, не давало возможности занять их место и создать здесь японскую колониальную империю.

Ослабленная вооруженной интервенцией и Гражданской войной молодая Советская Республика была занята восстановлением разрушенной экономики и в 20-е годы не рассматривалась Японией как серьезный противник, способный реально противостоять японской экспансии на Азиатский материк. Однако японские стратеги не могли не учитывать, что «в будущем Советский Союз во весь голос заявит о себе». Поэтому ставилась задача «принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза»³¹.

Японские правящие круги были недовольны Вашингтонским договором, подписанным в феврале 1922 г. с западными державами, ограничивавшим японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана. В японской прессе открыто заявлялось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»³².

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления экспансии Японии — северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США, политика которых могла реально воспрепятствовать установлению японского господства в Китае и других восточноазиатских странах. При этом подготовка к будущему военному противостоянию СССР возлагалась в основном на сухопутные войска. Против США и Великобритании же должен был действовать главным образом военно-морской флот империи.

Если война против США в те годы рассматривалась как теоретическая возможность и планировалась лишь в общих чертах, то планы будущей войны с СССР с самого начала приобрели вполне зримые очертания. При этом речь шла о сражениях не на территории Маньчжурии и Кореи, как в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., а на территории Советского Союза, причем преследовались весьма решительные цели.

В 1923 г. японский генеральный штаб армии разработал план будущей войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»³³.

Однако осуществить подобный план в 20-е гг. не представлялось возможным. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Рассчитывавшие в ходе интервенции на легкую победу над революционной Россией японские генералы, по признанию историков, «на собственном

³¹ Дайтоа сэно кокан сэн си. Дайхонъэй рикугун бу (Официальная история войны в великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Токио, 1967. Ч. 1. С. 290.

³² «Токио нити-нити». 1922. 21 июля.

³³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 258–259.

опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»³⁴. Наиболее здравомыслящие политики и представители деловых кругов Японии предлагали воздержаться от агрессивных действий против СССР, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений правительство СССР может пойти на серьезные уступки Японии. В частности, нормализация отношений с СССР рассматривалась в Токио как важное средство «нейтрализации» Советского Союза на период японской экспансии в Китае. Идея «нейтрализации» СССР, недопущения его противодействия японской экспансии в Восточной Азии легла в основу японской стратегии и дипломатии в межвоенный период.

Политика вооруженных захватов приобретала все большее число сторонников в Японии по мере углубления экономического кризиса конца 20-х гг. Японские правящие круги стали еще более активно искать способы решения внутренних проблем на путях внешней экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике военные круги добились в апреле 1927 г. формирования кабинета, который возглавил генерал Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии.

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской России на Дальнем Востоке правительством Японии ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону»³⁵. Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов «восточной конференции» заместитель министра иностранных дел Японии Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь»³⁶. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»³⁷.

Вскоре после завершения работы «восточной конференции» 25 июля 1927 г. премьер-министр Танака вручил императору Хирохито меморандум, в котором были сформулированы стратегические цели японского государства. Этот секретный документ при всей его

³⁴ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 290.

³⁵ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 229.

³⁶ История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1957. Т. 1. С. 104–105.

³⁷ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 278.

прагматичности и конкретности во многом имел идеологический характер, ибо базировался на идеях «хакко ити у» и «кодо».

Понятие «хакко ити у», дословно «восемь углов под одной крышей», было заимствовано из японской древней императорской хроники «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составление которой было завершено в 720 г. В рукописи это высказывание приписывалось мифическому императору Дзимму, который, по преданию, вступил на престол в 660 г. до н. э. В своем первоначальном значении понятие «хакко ити у» означало всеобщий принцип гуманности, который, как предполагалось, в конце концов распространится на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром³⁸. Осуществить принцип «хакко ити у» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» — «кодо».

В период незавершенной буржуазной революции 1868 г. император Мэйдзи, восстановивший императорскую власть в стране, официально провозгласил эти два принципа в своем рескрипте от 1871 г. В то время они воспринимались как призыв к сплочению и патриотизму японского народа. Однако в 20—30-х гг. XX в. японские милитаристские круги использовали эти принципы для обоснования идеи территориальной экспансии, придали им смысл идеологического постулата политики завоевания чужих территорий. Как указывалось в документах Токийского военного трибунала для японских военных преступников, «понятия “хакко ити у” и “кодо” в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы»³⁹. Именно на эти символы ссылался генерал Танака в своем меморандуме, когда писал о том, что представленный японскому монарху план завоевания японского господства в мире «завещан нам императором Мэйдзи».

В преамбуле меморандума указывалось: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

...Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте»⁴⁰.

Главными препятствиями на пути осуществления этой экспансионистской программы в меморандуме были названы США и СССР. Именно на вооруженную борьбу с ними нацеливалась японская империя.

В отношении США в меморандуме говорилось: «...В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики “крови и железа”. Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне»⁴¹.

³⁸ Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1939–1941. М., 1955. С. 122.

³⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7876, оп. 1, д. 482, л. 100.

⁴⁰ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 28.

⁴¹ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 27–28.

Тем самым в японской военной доктрине и стратегии формировалось так называемое «южное направление экспансии», предусматривавшее будущее вооруженное столкновение с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в борьбе за обладание странами Восточной и Юго-Восточной Азии и стран южных морей. При этом важно иметь в виду, что подготовка к такому столкновению определялась как одна из задач империи.

Но в стратегической программе экспансии Японии важное место отводилось также и будущему, как указывалось в меморандуме, «неминуемому конфликту с красной Россией». Ставилась задача устранить любое влияние СССР в Китае и Монголии. Осуществить это предусматривалось под надуманным предлогом недопущения «продвижения красной России на юг» — в Маньчжурию и Монголию. Понимая, что СССР едва ли согласится с доминированием Японии в Азии и существованием постоянной угрозы на дальневосточных и южных границах своего государства, составители меморандума прогнозировали будущую войну с Советским Союзом. В документе говорилось:

«...К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддерживать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию. Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

...Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, которую мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирин, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию»⁴².

Однако в обозримом будущем японские политики и военные круги стремились избежать обострения отношений с Россией. Об этом, в частности, свидетельствовало установление в 1925 г. между двумя государствами дипломатических отношений. Более того, японскими планами предусматривалось даже использовать СССР для овладения Японией Китаем. В меморандуме Танаки было записано:

«...Но для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. *Одновременно мы должны тайно блокироваться с красной Россией* (курсив мой. — А.К.), воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.

⁴² Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 28–29.

Целью политики восстановления японо-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй⁴³, и приглашения Иоффе⁴⁴ было, главным образом, использование России для обуздания Китая»⁴⁵.

Другими словами, японское правительство и военное командование замыслили «нейтрализовать» СССР на период овладения Маньчжурией, а затем всем Китаем. В возможность осуществления этого намерения в Токио верили, усматривая в активных миролюбивых шагах советского правительства проявление слабости СССР.

Незадолго до «восточной конференции» и вручения императору Японии «меморандума Танаки», в мае 1927 г., советское правительство официально обратилось к японскому правительству с предложением заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»⁴⁶.

На принятие этого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия по поводу дальнейшей политики империи в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян. До укрепления Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать развертыванию экспансии Японии в Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информировав Москву о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А.А.Трояновский писал: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»⁴⁷. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время»⁴⁸.

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически была не подготовлена к серьезной войне против СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья»⁴⁹. Учитывалось также, что к началу 30-х гг. в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому в соответствии с меморандумом Танаки на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быст-

⁴³ С. Гото — видный японский политический деятель, в 20-е годы — мэр Токио.

⁴⁴ А.А. Иоффе — руководитель советской дипломатической миссии в Китае в 1922–1923 гг., участник переговоров об установлении советско-японских дипломатических отношений.

⁴⁵ Русский архив. Т. 18. С. 29.

⁴⁶ ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 92.

⁴⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. XV. С. 16. Вскоре советскому руководству стало известно содержание «меморандума Танаки». Работавший под дипломатическим прикрытием генерального консула СССР в Корее советский разведчик Иван Чичаев уже в сентябре 1927 г. получил через своего агента из числа японцев копию этого документа. Копия «меморандума Танаки» была добыта также советской резидентурой в Харбине (Рабочая трибуна. 1995. 22 июля). Затем по решению советского правительства «меморандум» был опубликован в одном из китайских изданий. Хотя Токио попытался официально опровергнуть существование этого документа, последовавшие события полностью подтвердили подлинность изложенных в нем замыслов. Как впоследствии отмечал в своих мемуарах «Потрясения периода Сёва» бывший министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу, последовательность действий «удивительно точно соответствовала той, которая была изложена в меморандуме Танаки».

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. XI. С. 144.

⁴⁹ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 248–249.

рую» войну в Маньчжурии, отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение провинцию Китая.

Приступая к очередному этапу «собираения» чужих земель под японскую «крышу» (к этому времени колониями империи уже являлись Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения в Тихом океане), японское правительство тщательно выбирало момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире экономическим кризисом. В Токио учитывалось, что занятые внутренними задачами выхода из кризиса западные колониальные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Учитывалось также, что для Советского Союза было крайне важно обеспечить мирные условия для восстановления страны. Поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

Оккупация японской армией осенью 1931 г. Маньчжурии оказала важное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно, осуждая японскую агрессию, активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Есидзава, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»⁵⁰.

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»⁵¹. И это было действительно так. В начале 30-х годов реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским

⁵⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. XIV. С. 746.

⁵¹ Цит. по: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.

Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»⁵².

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал⁵³.

Вопрос о войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»⁵⁴. Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба армии Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»⁵⁵. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предусматривалось возобновление переговоров с СССР о заключении договора о ненападении.

Главный смысл предложений сторонников подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство присутствовавших на совещании не приняло этой точки зрения и проголосовало за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который определялся как «противник номер один»⁵⁶.

Определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником оставались США и Великобритания. Однако это не означало, что империя считала себя готовой в обозримом будущем сразиться с этими крупными державами в Восточной Азии и на Тихом океане. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с США и Великобританией. При этом расчет делался на то, чтобы подтолкнуть правительства западных держав к продолжению политики умиротворения

⁵² Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 17.

⁵³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 339–340.

⁵⁴ Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1982. Т. 4. С. 194.

⁵⁵ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

⁵⁶ Сёва-но рэкиси. Т. 4. С. 194.

Японии. Основанием для такого расчета была позиция США и Великобритании по захвату Японией Маньчжурии. Тогда, в 1931 г., Японии удалось убедить западные державы в том, что оккупация Северо-Восточного Китая была необходима для создания «барьера на пути коммунизма».

Целям демонстрации непримиримости Японии с «красной Россией» служил и отказ заключить с СССР договор о ненападении. В значительной степени такая политика принесла успех. Лидеры США, Великобритании и Франции, уверовав в антикоммунистические цели японского правительства, рассматривали оккупацию Маньчжурии в первую очередь как полицейскую акцию в борьбе против национально-освободительного движения китайского народа. Президент США Гувер говорил своим приближенным: «Если бы японцы прямо нам заявили: “Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунистический Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае”, мы не могли бы выдвинуть возражений»⁵⁷. Ограничиваясь ни к чему не обязывающими заявлениями о «непризнании» японских действий в Китае, западные державы фактически способствовали превращению Маньчжурии в японскую колонию.

Для того чтобы и дальше стимулировать политику «умиротворения» западных держав, японские власти провоцировали на советско-маньчжурской границе различного рода инциденты и конфликты, создавали впечатление неизбежности скорой японо-советской войны. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепартамент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше»⁵⁸. В октябре 1933 г. Дж. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»⁵⁹.

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»⁶⁰

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии с СССР. Еще за несколько месяцев до интервенции в Китай японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации Маньчжурии является обретение плацдарма для войны с СССР. Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая японское правительство 19 ноября 1931 г. демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Советском Союзе «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих

⁵⁷ Цит. по: Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972. Т. 1. С. 293.

⁵⁸ Grew J. Ten Years in Japan. New York, 1944. P. 98.

⁵⁹ Цит. по: Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.). М., 1957. С. 30.

⁶⁰ Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 296.

ющих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР»⁶¹.

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. 31 декабря 1931 г. министру иностранных дел К. Ёсидзаве во время его пребывания в Москве было заявлено, что «заключение пакта о ненападении имело бы большое международное значение, что такой пакт был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям»⁶².

Однако японцам такая ситуация и такие спекуляции были выгодны. Искусственно нагнетаемая опасность вооруженного столкновения с Японией должна была удерживать Советский Союз от какого-либо вмешательства в маньчжурские события. А напряженность на маньчжурско-советской границе обеспечивала подобное невмешательство с юга, со стороны ожидавших японо-советскую войну США, Великобритании и Франции. В Вашингтоне, Лондоне и Париже с удовлетворением воспринимали сообщения о концентрации на дальневосточных границах Советского Союза крупной группировки японских войск. Только с января по август 1932 г. численность размещенной на границе с СССР японской Квантунской армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в три раза.

В этих условиях, несмотря на отказ Японии заключить с СССР договор о ненападении, советское правительство продолжало дипломатические усилия в этом направлении. Одновременно советская дипломатия предпринимала активные шаги для восстановления и развития отношений с Китаем. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами, разорванных в 1929 г. по вине китайских милитаристов. Этот акт являлся для китайского народа определенной политической поддержкой в его борьбе против японских оккупантов.

Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать столкновение с СССР явилось сделанное в июне 1933 г. предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). При этом было принято во внимание, что японцы сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Однако предпринимавшиеся советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией, фактическая политика нейтралитета в отношении японских агрессивных действий в Маньчжурии наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать мирные отношения с северным соседом. Напротив, японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало СССР принимать меры к укреплению обороноспособности страны на Дальнем Востоке. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в

⁶¹ Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 277.

⁶² Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 278.

том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением территориальной целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь реализации принципа «хакко ити у», то есть создания насильственным путем обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае, дальнейшему обострению японо-советских отношений.

Агрессия в Китае: война и политика

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой гарнизонной армии в Китае. Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

В середине 30-х годов японский генеральный штаб армии приступил к планированию операции по овладению Северным Китаем. В 1935 г. один из таких планов предусматривал сформировать специальную армию, которая включала бы японскую «гарнизонную армию в Китае, одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава сухопутных сил в метрополии и Корее, которые должны были овладеть Пекином и Тяньцзинем»⁶³.

В августе 1936 г. японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран южных морей. Политические цели империи были сформулированы в документе «Основные принципы государственной политики», в котором провозглашалось превращение Японии «номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, где говорилось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений...»⁶⁴. Это полностью отвечало целям и задачам, изложенным в меморандуме Танаки.

Хотя в этих документах отмечалось, что желательно по возможности добиться целей «мирными средствами», в Японии сознавали, что дальнейшая экспансия на Азиатский континент может вызвать сопротивление великих держав. В связи с этим было принято решение об активизации подготовки к войне на двух направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. В пересмотренном в 1936 г. «Курсе на оборону империи», а также в документе «Программа использования вооруженных сил» главными потенциальными противниками Японии определялись США и СССР, следующими по важности — Китай и Великобритания⁶⁵.

В Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому в планах Японии на овладение Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи. Разработанный в 1936–1937 гг. генеральным штабом армии план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае — одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию⁶⁶. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца⁶⁷.

⁶³ Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 15.

⁶⁴ История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 2. С. 67.

⁶⁵ Сёва-но рэкиси. Т. 4. С. 330.

⁶⁶ Дайтоа сэнсо кокан си. Сина дзихэн рикугун сакусэн (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 86. Операции сухопутных сил в период китайского инцидента. Ч. 1). Токио, 1975. С. 103.

⁶⁷ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 36.

Оккупация всего Китая означала серьезное нарушение интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок имел важное значение для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 34 %⁶⁸. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они уже достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 %⁶⁹.

Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, которая, как известно, начала экспансию на Азиатский материк гораздо раньше других стран. Она имела здесь большие капиталовложения в железнодорожном транспорте, морских перевозках, связи, банковском деле. К 1936 г. инвестиции Великобритании в Китае составляли 1141 млн долларов⁷⁰. Широкое проникновение в китайскую экономику привело в 30-е гг. к углублению как экономического, так и политического сотрудничества Великобритании с Китаем.

Как уже отмечалось, в Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 30-х годов в Японии была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии Хироита заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма»⁷¹. В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на Азиатский континент, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии в Китае.

Однако поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивающая невмешательство в войну этих держав. Военно-морское министерство и главный морской штаб (гунрэйбу), 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». США предлагалось «обратить самое серьезное внимание на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»⁷².

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Нельзя сказать, чтобы в США не видели опасностей своим позициям в Китае, которые повлечет за собой расширение японской агрессии. Посол Дж. Грю телеграфировал 14 июля 1937 г. в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией»⁷³. Тем не менее правительство США считало, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует пере-

⁶⁸ Statistical Year Book of the League of Nations. 1939–1940. Geneva, 1940. P. 182.

⁶⁹ Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937–1939). М., 1957. С. 17.

⁷⁰ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 218.

⁷¹ «Contemporary Japan». 1936. IV. P. 638.

⁷² Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане). Документы. Токио, 1963. С. 223.

⁷³ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 165.

писки американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Дж. Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: «Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Джонсона. — А.К.), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта»⁷⁴. Посол рекомендовал правительству США «избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы». При этом подчеркивалась необходимость «предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией». Грю считал, что политика «умиротворения» будет оценена японцами, которые «не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы»⁷⁵.

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госсекретарь США дал положительную оценку точки зрения Грю⁷⁶. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала боевых действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: «Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие обязательств...» Не делая разницы между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая «к сдержанности в интересах мира во всем мире». Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США «желают избежать малейшего вмешательства»⁷⁷.

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия своих уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: «Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае»⁷⁸. Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М.М. Славуцкому: «Мы точно осведомлены о том, что Япония, перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого, делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни

⁷⁴ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 487.

⁷⁵ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 487.

⁷⁶ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 488.

⁷⁷ FRUS. Japan. 1931–1941. Vol. I. 1943. P. 326.

⁷⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 413.

стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании»⁷⁹.

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав — Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел А. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством»⁸⁰. Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Чемберлен рассуждал: «Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь согласия с Японией?»⁸¹

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основной смысл его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии лишь приведут к повышению роли военных в японской политике, а значит, усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция, также ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции Дельбос в беседе с послом США в Париже Буллитом заявил, что, «по его мнению, японское наступление в конечном итоге направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу) для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дельбос рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами⁸².

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая — Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Японцы, по существу, игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларирующий «независимость» и «целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии.

⁷⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 741.

⁸⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 409.

⁸¹ Тайхэй сэно си. Т. 3. С. 39.

⁸² FRUS. 1937. The Far East. Vol. III. P. 475–476.

Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала “дружественные” представления японскому правительству. Во всяком случае Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются...

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»⁸³.

Планируя войну в Китае, японские лидеры весьма опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запрещать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели жизненно важное значение для Японии. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики»⁸⁴.

Профессор О.Б. Рахманин в своем недавнем труде отмечает: «Со стороны США фактическое пособничество Японии выразилось в проведении так называемой политики “нейтралитета”... В первую очередь от этого пострадал Китай»⁸⁵.

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию как «инцидент». В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

В свою очередь монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в 2–3 раза. При этом, если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 %, экспорт военных материалов на тот же период возрос на 124 %. Военные материалы составляли 58,5 % от общего экспорта США в Японию⁸⁶. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим «мирным» годом в следующих размерах: по железнному и стальному лому — в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним — в 2,5 раза, металлообрабатывающим станкам — в 3,5 раза, сырой нефти — в 2,5 раза, бензину — в 1,5 раза, меди — в 2,4 раза, свинцу — в 1,1 раза, чугуну и стали — в 16,3 раза⁸⁷.

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Швеленбаха, который говорил: «Ни

⁸³ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 436–437.

⁸⁴ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 36.

⁸⁵ Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 7.

⁸⁶ Сёва-но рэкиси. Токио, 1985. Т. 5. С. 14.

⁸⁷ Марушкин Б.И. Указ. соч. С. 52.

у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль»⁸⁸.

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой росло число сторонников объявления экономического бойкота Японии. Учитывая это, а также стремясь ограничить японское наступление на интересы США, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению Японии. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплен какими-либо существенными действиями. В речи заявлялось о стремлении американского правительства оставаться вне войны. «Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)»⁸⁹, — подчеркнул президент.

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу — Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами⁹⁰. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений»⁹¹.

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора о ненападении. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим включение Китая в «антикоминтерновский блок»⁹².

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединенные силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г. отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»⁹³

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США,

⁸⁸ Цит. по: Кунина А.Е., Марушкин Б.И. Миф о миролюбии США. М., 1960. С. 174.

⁸⁹ Bisson T.A. America's Far Eastern Policy. New York, 1945. P. 168.

⁹⁰ Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 176.

⁹¹ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 401.

⁹² FRUS. 1937. The Far East. P. 538.

⁹³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 — июль 1941 г.). М., 1946. С. 304.

которая, по словам государственного секретаря США Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции»⁹⁴.

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время брюссельской конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попугать Токио»⁹⁵. Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

⁹⁴ Hull C. The Memoirs. Vol. 1. New York, 1948. P. 414, 554–555.

⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 617.

Цели халхин-гольской авантюры

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо (у моста Марко Поло близ Пекина. — А.К.) в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня, так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»⁹⁶. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств⁹⁷.

Несмотря на то, что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение⁹⁸.

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов⁹⁹. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха¹⁰⁰.

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70 % поступило из США¹⁰¹. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»¹⁰². По китайским подсчетам, от американского оружия погибали 54 из каждых 100 мирных жителей Китая¹⁰³.

⁹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 654–655.

⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 656, 690.

⁹⁸ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 72.

⁹⁹ Тайхэй сэнсо си. Т. 3. С. 40.

¹⁰⁰ Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.

¹⁰¹ Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 212.

¹⁰² Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

¹⁰³ Бедняк И.Я. Указ. соч. С. 99.

При таком положении крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»¹⁰⁴.

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военными, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124¹⁰⁵. Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»¹⁰⁶.

Однако японское правительство опасалось открытия еще одного фронта. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального штаба о возможности японо-советского столкновения представитель японского генштаба армии генерал Хомма отвечал, что подготовка к войне на севере ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет»¹⁰⁷.

Цели и задачи войны Японии против СССР были первоначально изложены в разработанном в августе 1936 г. генеральным штабом армии документе «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В случае начала большой войны с СССР в нем предусматривалось на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Уссури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства»¹⁰⁸. Оперативный план 1937 г. предусматривал наступление с трех направлений — восточного, северного и западного. Важнейшей задачей объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью»¹⁰⁹.

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику¹¹⁰.

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

¹⁰⁴ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 2.

¹⁰⁵ ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172–173.

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1999. Т. XXI. С. 342.

¹⁰⁷ Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 217–218.

¹⁰⁸ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Токио, 1976. Т. 8. С. 686.

¹⁰⁹ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Токио, 1976. Т. 8. С. 20.

¹¹⁰ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Токио, 1976. Т. 9. С. 727–729.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»¹¹¹.

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии»¹¹².

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрасшить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени нападения диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии»¹¹³.

15 июля 1938 г. японский посол в СССР М. Сигэмицу по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военными границами и предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение».

10 августа советские войска нанесли неожиданный и мощный удар. Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии спешно отправил начальнику штаба корейской армии телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала

¹¹¹ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Токио, 1976. Т. 9. С. 224.

¹¹² Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 108–111.

¹¹³ Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.

свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться»¹¹⁴. В пользу такого решения было и то, что, следуя приказу из Москвы, части Особой Дальневосточной армии не стали развивать наступление в глубь Маньчжурии, демонстрируя стремление избежать расширения конфликта.

В Москве было известно, что японская провокация в районе озера Хасан преследовала в первую очередь цель «устрашить СССР» и что японцы в данный момент к большой войне с Советским Союзом не готовы. 3 августа 1938 г. резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге передал в Москву: «...Японский генштаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь»¹¹⁵.

Поэтому когда через посольство в Москве японское правительство запросило прекращения боевых действий, соглашаясь на восстановление нарушенной границы, советское правительство сочло целесообразным ответить положительно.

Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери составили 20 %»¹¹⁶. Большие потери понесли и советские войска — 400 убитыми и 2700 ранеными¹¹⁷.

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились целей провокации — продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосредственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство отказаться от поддержки Китая не удалось — советская активная помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Обострение советско-японских отношений было использовано японской стороной на переговорах с Великобританией с целью побудить английское правительство не создавать Японии «затруднений» в Китае. 20 августа посол Великобритании Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало согласие на такое сотрудничество¹¹⁸.

Осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с Великобританией, добиваясь от нее признания захваченных ими территорий Китая. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения. В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет направлена против Советского Союза. Поэтому японские лидеры продолжали убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши¹¹⁹.

В сентябре 1938 г. японский премьер-министр Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как подтверждение японских планов войны против СССР.

¹¹⁴ Фудзивара Акира. Ниттю дзэмэн сэно (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154–155.

¹¹⁵ Русский архив. Т. 18. С. 147.

¹¹⁶ Сёва-но рэкиси. Т. 5. С. 154.

¹¹⁷ Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 31983, оп. 3, д. 152, л. 154.

¹¹⁸ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939 (далее: DBFP). Vol. VIII. London, 1955. P. 34, 46.

¹¹⁹ DBFP. Vol. VIII. P. 74–75, 89.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. И снова его поддержал Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях против японской агрессии. Великобритания же, окончательно ступив на путь «умиротворения», открыто искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области»¹²⁰.

Не оставляли надежд на отвлечение внимания Японии в сторону Советского Союза и в США, где хасанские события были восприняты как прелюдия дальнейшего обострения советско-японских отношений.

14 августа влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами»¹²¹. Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана¹²². Японцы весьма умело использовали заинтересованность западных держав в обострении советско-японских отношений, всячески ее подогревая. В то же время под прикрытием демонстрации готовности к вооруженному столкновению с СССР они продолжали шаг за шагом захватывать территорию Китая.

22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября — Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября 1938 г. японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Тем самым была создана угроза вытеснения Великобритании из Китая. Однако англичане, опасаясь раздражать японцев, не предпринимали никаких шагов по содействию Китаю в его сопротивлении интервентам. В день падения Кантона китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил своему советскому коллеге М.М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»¹²³.

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало японское правительство в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого империализма» на японский.

3 ноября было опубликовано «Заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского. — А.К.) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

¹²⁰ Цит. по: Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 329.

¹²¹ «New York Times». 1938. 14 авг.

¹²² Бедняк И.Я. Указ. соч. С. 130–131.

¹²³ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 602.

В «Заявлении...» выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» использовалась прежняя антикоммунистическая, а по существу, антисоветская, риторика. Империалистическая агрессия в Азии вновь прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма»¹²⁴.

Не приходится говорить, что это «Заявление...» было результатом Мюнхенского соглашения. Именно после проявления Великобританией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане и вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства от американского принципа «открытых дверей» в Китае.

Лишь после этого в Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу, что политика уступок Японии требует корректировки, и на зондаж Японии о заключении нового японо-американского торгового договора в декабре 1938 г. США одновременно с Великобританией предоставили Китаю незначительные займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии»¹²⁵.

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами, а также с США, в Токио поставили цель расстроить совместные контрмеры западных держав достижением договоренностей с Великобританией. Основанием этого служила позиция Чемберлена, который в ноябре 1938 г. заявил о желании «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем. — А.К.) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»¹²⁶

Для того чтобы английское правительство было сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти предприняли блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. Япония сочла также необходимым и своевременным воздействовать на политику Великобритании путем очередного усиления конфронтации с СССР, международное положение которого к этому времени ухудшилось по вине западных держав из-за провала политики коллективной безопасности в Европе. В Токио рассчитывали, что у оставшегося один на один с агрессивными государствами мира Советского Союза в обстановке опасности германского нападения не будет достаточно военных сил в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией СССР будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово идти даже на риск большой войны с СССР.

После поражения японской армии в советском Приморье, в районе озера Хасан, японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Операция № 8», предусматривав-

¹²⁴ История войны на Тихом океане. Т. 2. С. 355–356.

¹²⁵ FRUS. Japan. 1931–1941. P. 813.

¹²⁶ British Far Eastern Policy. Information Department Papers. 1938. July, № 24, P. 36.

ший нанесение удара по СССР через МНР в направлении озера Байкал¹²⁷, «где противник не ждал наступления»¹²⁸. Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской военной крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) внимание обычно уделяется в основном военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную военную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении, а также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»¹²⁹.

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже говорилось, первая и главная причина состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание японо-китайского конфликта, разумеется, на японских условиях¹³⁰.

Вторая причина. Предстоящие события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхин-гольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»¹³¹.

Речь шла о переговорах по заключению между Японией и Великобританией так называемого соглашения Арита — Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора. По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхин-гольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание обще-

¹²⁷ Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 242.

¹²⁸ Дайхоньэй рикугун бу. Ч. 1. С. 584.

¹²⁹ Дайхоньэй рикугун бу. Ч. 1. С. 585.

¹³⁰ Цудзи Масанобу. Номонхан дзихэн-но боппацу (Начало номонханских событий). Чанчунь, 1941. С. 85–86.

¹³¹ Сёва-но рэкиси. Т. 5. С. 200.

ственного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...»¹³² Заключенное 22 июля 1939 г., в разгар халхин-гольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

Третье. Японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза¹³³.

И хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно оснований полагать, что не последнюю роль здесь сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла никакого ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 г.¹³⁴ Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

И четвертая причина: резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»¹³⁵.

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению “нового порядка” в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании»¹³⁶.

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных

¹³² DBFP. Vol. IX. P. 313.

¹³³ Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 486.

¹³⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

¹³⁵ Русский архив. Т. 18. С. 156.

¹³⁶ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931–1950. М., 1977. С. 126.

сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза¹³⁷.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»¹³⁸.

Хотя в официальной японской историографии до сих пор утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле — августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот “инцидент”.

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР»¹³⁹.

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии»¹⁴⁰. Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей «Инструк-

¹³⁷ Цудзи Масанобу. Указ. соч. С. 63.

¹³⁸ War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York — London, 1980. P. 105–106.

¹³⁹ Русский архив. Т. 18. С. 114.

¹⁴⁰ Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 241.

цию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го»¹⁴¹. Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются»¹⁴². Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армией без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан»¹⁴³. В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил об увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)»¹⁴⁴.

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхин-гольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г.К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались советским командованием столкновения с японцами, Г.К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отрапортовал наркому о прибытии. К.Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

¹⁴¹ Тайхэй сэнсо си. Т. 3. С. 243.

¹⁴² *Симада Тосихико*. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

¹⁴³ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 593.

¹⁴⁴ Русский архив. Т. 18. С. 158.

Я подошел к карте.

— Вот здесь, — указал нарком, — длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

Думаю, — продолжал нарком, — это затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуются, принять на себя командование войсками?

— Готов вылететь сию же минуту»¹⁴⁵.

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне — июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Г.К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения была завершена, и японская авантюра закончилась полным крахом. Всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тыс. человек ранеными и убитыми¹⁴⁶.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге так характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутриполитический кризис.

*Рамзай»*¹⁴⁷.

О том же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»¹⁴⁸

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу А.С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 163–164.

¹⁴⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 219.

¹⁴⁷ Русский архив. Т. 18. С. 158.

¹⁴⁸ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 637.

¹⁴⁹ Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 9.

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио — Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

События на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку. Militarистская Япония, не отказываясь от планов войны против СССР, в то же время готовилась к захвату колониальных владений западных держав на Тихом океане, к оккупации всей Восточной Азии. Выбор ею будет сделан в 1941 г.

Глава 3. Вооруженный нейтралитет

«Помощь Китаю не актуальна»

Перспективы развития Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу, были неясны. Япония сочла целесообразным воздержаться от вступления в войну на стороне своих союзников. 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»¹⁵⁰.

Цель политики временного невмешательства состояла в том, чтобы дожидаться первых серьезных результатов начавшейся мировой войны, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных стратегических планов.

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении сначала рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, японское военно-политическое руководство не оставляло надежды на то, что рано или поздно Советский Союз будет вовлечен в войну в Европе. Готовясь к такому развитию событий, японские стратеги из числа как военных, так и политиков считали необходимым «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР»¹⁵¹.

В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для будущей войны против СССР сил планировалось при необходимости резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения подготовки — середина 1941 г.¹⁵²

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было решено предпринять дипломатические шаги, призванные создать впечатление нормализации японо-советских отношений. Все чаще стало высказываться мнение о целесообразности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Была поставлена цель попытаться в обмен на пакт о ненападении прежде всего добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. документе японского правительства «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»¹⁵³.

¹⁵⁰ Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972. Т. 3. С. 283.

¹⁵¹ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 4.

¹⁵² Нихон рэкиси (История Японии). Токио, 1977. Т. 20. С. 8.

¹⁵³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 9.

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении В.М. Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с И.В. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны»¹⁵⁴.

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе, во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 года. Из германской записи беседы:

«...Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой. В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались и, кажется, от своего замысла отказались»¹⁵⁵.

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

¹⁵⁴ Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 62–63.

¹⁵⁵ Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 616.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японии легче было побудить на действия против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать последнюю. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать»¹⁵⁶, — заявлял он. На встречах с японским послом в Берлине Х. Осимой Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику¹⁵⁷.

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»¹⁵⁸. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. Ф. Коноэ сообщил германскому послу в Токио Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Красная Армия в боях в районе Номонхан (Халхин-Гол)»¹⁵⁹.

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить от МИД Японии официальное подтверждение того, что пакт о ненападении не входит в японскую программу переговоров с СССР. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-м военным районом Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А.С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией».

¹⁵⁶ *Presseisen E.L.* Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.

¹⁵⁷ Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.

¹⁵⁸ Мияко. 1939. 13 дек.

¹⁵⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 182.

Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши»¹⁶⁰.

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений китайское правительство в конце 1939 — начале 1940 г. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах¹⁶¹. Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период с тем, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселил у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Однако в Японии большое влияние сохраняли сторонники непримиримой политики по отношению к СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии»¹⁶². 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта — дело отдаленного будущего и не очень полезное»¹⁶³. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март — апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»¹⁶⁴.

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае — июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство готово было согласиться с таким урегулированием. В ходе беседы с японским послом в СССР С. Того 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем»¹⁶⁵.

Эту мысль Молотов более расширенно развивал перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное согласие сторон по Соглашению между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. «Кроме того, —

¹⁶⁰ ДВП. 1939 г. С. 267.

¹⁶¹ ДВП. 1940—22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940. М., 1995. С. 29.

¹⁶² *Lensen G.A. The Strange Neutrality: Soviet — Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Florida, 1972. P. 6.*

¹⁶³ Асахи. 1940. 17 янв.

¹⁶⁴ Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

¹⁶⁵ ДВП. Т. XXIII. С. 304.

добавляет Того, — мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов».

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно если есть понимание друг друга. «Я рад заявлению тов. Молотова, — продолжает Того, — и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам»¹⁶⁶.

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими выражением «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение на попытку прозондировать позицию японского посла о возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, были противоречивые мнения относительно такого договора.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...»

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым»¹⁶⁷.

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на то, чтобы параллельно с рыболовным и торговым вопросами велись переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 г.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности — «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

¹⁶⁶ ДВП.Т. XXIII. С. 120–121.

¹⁶⁷ Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 207–208.

Ниже приводится запись этой беседы, сделанная советской стороной:

«Того ... За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов ... Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: «не нападать» или «не помогать одной из нападающих стран». Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать, — правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того. Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белоруками. — А.К.), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете»¹⁶⁸.

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на «непредоставление помощи чунцинскому режиму», он сообщает, что со своей стороны Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того пишет:

«В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировки со странами, враждебными стороне — участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о непредоставлении помощи чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на добычу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а

¹⁶⁸ ДВП.Т. XXIII. С. 400–406.

Советы — прекратить помощь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом»¹⁶⁹.

Неожиданное согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось весьма серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический поворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с Запада, так и с Востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрастала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере — против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 г., пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, Чан Кайши заявил: «Некоторая часть американцев опасаются, что СССР может пойти на соглашательство с Японией». Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как «слухи». Он отвечал Чан Кайши: «Подобное мнение, конечно, ни на чем не основано. Оно просто смехотворно. По крайней мере, известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения». Далее он заверил своего собеседника в дружбе и верности Советского Союза: «Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помощь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу»¹⁷⁰.

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в состоявшейся 22 июля беседе с заместителем начальника генштаба Китая Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: «Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например, о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помощи и т. д.». И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: «Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей — Ленина и Сунь Ятсена, Сталина и Сунь Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу»¹⁷¹. Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской политики в отношении Китая.

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

¹⁶⁹ Того Сигэнори. Указ. соч. С. 208–209.

¹⁷⁰ ДВП.Т. XXIII. С. 441.

¹⁷¹ ДВП.Т. XXIII. С. 447.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Ё. Мацуока, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии¹⁷².

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала советско-германской войны. Так как в «Программе...» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, — писала японская газета. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»¹⁷³.

Убедившись в том, что новый кабинет министров Японии готов продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант пакта. В нем говорилось: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами»¹⁷⁴.

Соглашаясь со статьями 2 и 3 японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в Русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой чистки Мацуока были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того. Тем не менее он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о нейтралитете.

¹⁷² Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 316.

¹⁷³ Токио нити-нити. 1940. 16 июля.

¹⁷⁴ Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 26.

тете. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа.

Из записи беседы:

«Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: “Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше”.

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: “Правильно. Совершенно правильно”.

Молотов: “Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью”»¹⁷⁵.

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. Эту цель он преследовал и во время последующих встреч с Того.

5 сентября Молотов говорил Того: «Портсмутский договор по очень существенным пунктам нарушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 г. также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным».

Того возражает против такого подхода.

Молотов: «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией»¹⁷⁶.

Главная причина нежелания советского правительства признавать действенным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

¹⁷⁵ ДВП. Т. XXIII. С. 543–544.

¹⁷⁶ ДВП. Т. XXIII. С. 572–574.

Нейтралитет или ненападение?

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Сталин контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа, а также заявление нового посла Татэкава о том, что он «не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова»¹⁷⁷. Это было тем более настораживающим, что 27 сентября 1940 г. был заключен договор о политическом и военно-экономическом союзе Германии, Японии и Италии — Тройственный пакт. Хотя в текст пакта была внесена статья, в которой фиксировалось, что достигнутые соглашения «никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом», объединение трех наиболее агрессивных государств мира было воспринято в Москве с тревогой. Заверения Того в том, что «заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений», не могли развеять эту тревогу. Тем более что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года.

Беспокойство советского руководства от складывающейся обстановки ощущали и аккредитованные в Москве зарубежные дипломаты. Так, посол США в СССР Л. Штейнгардт в телеграмме государственному секретарю США от 28 сентября 1940 г. сообщал, что реакция советского правительства на Тройственный пакт была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен Тройственным пактом, они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится неоправданно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет¹⁷⁸.

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина озаботиться тем, как не допустить участия Японии в надвигавшейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии. И хотя, как отмечалось выше, летом 1940 г. Сталин был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 года. В послании говорилось:

«...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношениях с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

¹⁷⁷ ДВП. Т. XXIII. С. 678.

¹⁷⁸ FRUS. 1940. Vol. 1. P. 565.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мире с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, одно для меня ясно, что Китайская национальная армия крепка и могуча, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

*И. Сталин*¹⁷⁹.

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений японского МИДа гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. В программе японского МИД было записано: «СССР признает традиционные интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР согласится с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония согласится с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)»¹⁸⁰.

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Ё. Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов»¹⁸¹. В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер. 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил германскому представителю Г. Штамеру: «Нам необходимо сознавать, что после окончания войны в Европе Россия останется

¹⁷⁹ Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23, 24 дек. С. 72. После заключения 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете советское правительство через советского посла в Китае разъяснило китайскому руководству, что указанный договор не меняет дружественной политики СССР в отношении Китая. Подчеркивалось, что при любых обстоятельствах взаимоотношения СССР и Японии не могут отрицательно влиять на советско-китайские отношения. (Рахманин О.Б. Указ. соч. С. 9)

¹⁸⁰ Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 80.

¹⁸¹ Цит по.: David J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961. P. 112.

великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России»¹⁸².

В этих условиях японское правительство, хотя и несколько снизило активность в переговорах с Москвой, тем не менее прерывать их считало нецелесообразным. Пришедший 17 октября к Молотову с прощальным визитом Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он полагал, что это соглашение будет заключено в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил задержку сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением Тройственного пакта, сказал: «Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт»¹⁸³. Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский принимал посла Китайской Республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что «заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая». Далее посол отметил, что «за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась»¹⁸⁴.

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах: «...В ходе так называемой «чистки Мацуока» меня отозвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией»¹⁸⁵.

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Ё. Татэкава 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ (22 июля) внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен¹⁸⁶.

Посол передал текст проекта пакта о ненападении. Пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке».

¹⁸² Цит по.: *David J. Lu. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961. P. 110.*

¹⁸³ ДВП. Т. XXIII. С. 677–678.

¹⁸⁴ ДВП. Т. XXIII. С. 685–686.

¹⁸⁵ *Того Сигэнори. Указ. соч. С. 209.*

¹⁸⁶ ДВП. Т. XXIII. 1940—22 июня 1941. М., 1998. Кн. 2. Ч. 1. С. 10.

ровке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет»¹⁸⁷.

Посол сделал два добавления:

— Прежние переговоры Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.

— Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было найдено целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет сделать прыжок для улучшения отношений¹⁸⁸.

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии К.А. Сметанину от 1 ноября 1940 г. нарком писал:

«...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 г., я заявил, что если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 г., то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкава вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 г., так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны — создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

На вопрос Татэкавы, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши предложения от 14 августа я еще не имею ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я смог бы продолжать обсуждение этого вопроса»¹⁸⁹.

18 ноября, во время очередной беседы с Татэкавой, Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что общественное мнение в СССР будет связывать вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий — Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова Сметанину от 19 ноября 1940 года:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что,

¹⁸⁷ Архив внешней политики России, ф. 4366, д. 26, л. 46–47.

¹⁸⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 10.

¹⁸⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 10–11.

как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утраченных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утраченных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уж во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио»¹⁹⁰.

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1). В случае если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация¹⁹¹.

Осенью 1940 г. Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: 22 сентября ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение на юг могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией. В этой обстановке затягивание переговоров с СССР было Японии невыгодно. Поэтому ее правительство уже 20 ноября, то есть через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект «заслуживающим изучения». По вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкаве: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин»¹⁹². В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым»¹⁹³.

Выполняя директиву МИД, Татэкава заявил Молотову: «...Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и в свою очередь заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин»¹⁹⁴.

¹⁹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 111–113.

¹⁹¹ СССР и Япония. М., 1987. С. 194.

¹⁹² Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 87–88.

¹⁹³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 116.

¹⁹⁴ Известия. 1940. 30 марта.

Молотов сказал Татэкаве, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

Следует отметить, что в 30-е гг. «идея» покупки советских дальневосточных территорий всерьез рассматривалась политическими деятелями Японии. Так, видный японский дипломат Т. Сиратори писал в 1935 г. министру иностранных дел Арита: «Прежде всего Россия должна... разоружить Владивосток и т. д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии... не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири»¹⁹⁵.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов со своей стороны развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежащих России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...»

После этого Татэкава в откровенной форме заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжал Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным»¹⁹⁶.

В заключение нарком выразил надежду на получение ответа японского правительства соответственно в духе высказывания Татэкавы в беседе 18 ноября. Одновременно он подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится. Тем самым было дано понять, что проектируемый пакт в равной степени отвечает интересам обеих сторон и его заключение возможно лишь при учете высказанных советским правительством условий и пожеланий.

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»¹⁹⁷.

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

¹⁹⁵ Цит. по: *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 152.

¹⁹⁶ Полный текст записи беседы от 21 ноября 1940 г. см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 116–120.

¹⁹⁷ Полный текст записи беседы от 21 ноября 1940 г. см.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 126.

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии С. Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях¹⁹⁸.

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью признает Внешнюю Монголию и Синьцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуются ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос»¹⁹⁹.

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения ее как участника Тройственного пакта в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии С. Танаки говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев»²⁰⁰.

Однако вступать в войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были печальные для Японии воспоминания о халхин-гольских событиях. Поэтому вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой — мог явиться оправданием для отказа напасть на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной позиции Японии на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940/41 г. демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкавой о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: «...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению»²⁰¹.

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Х. Осима сообщил о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха

¹⁹⁸ Тамура Сатисаку. Сэкай гайко си (История мировой дипломатии). Токио, 1964. Т. 3. С. 546.

¹⁹⁹ Тайсэн-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948. С. 326.

²⁰⁰ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. Токио, 1968. С. 207–208.

²⁰¹ ДВП.Т. XXIII. Кн. 2. С.191.

сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий»²⁰². Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати К. Кидо: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой»²⁰³.

Было принято решение направить Мацуоку в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

²⁰² Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 383.

²⁰³ *Montgomery M.* Imperialist Japan: The Yen to Dominate. P. 461.

«Дипломатический блицкриг» в Кремле

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении документом предусматривалось вынудить советское руководство на серьезные уступки, а именно продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю²⁰⁴.

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу — установление личных контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с СССР. Вместе с тем Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил пожелание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению, эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуоки позвонил по телефону Сталину и сообщил министру, что «Сталин может быть через десять минут».

Ниже приводится полный текст записи первой беседы Сталина с Мацуокой в том виде, в котором он хранился до последнего времени в сталинском архиве.

Сов. секретно

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

тов. СТАЛИНА И.В. С МИНИСТРОМ

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ МАЦУОКА

24 марта 1941 года

В начале беседы Мацуока говорит, что 8 лет тому назад, проездом через СССР в Женеву, он находился в течение 5 дней в Москве, однако тогда ему не представилось случая видаться с тов. Сталиным. Он смог тогда увидеть тов. Сталина лишь на трибуне мавзолея, присутствуя на параде на Красной площади.

Далее Мацуока говорит, что он просил тов. Сталина принять его для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение и побеседовать с тов. Сталиным до отъезда в Берлин.

Тов. Сталин отвечает, что он готов к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что относительно цели посещения Германии и Италии, а также относительно своего желания остановиться на несколько дней в Москве он уже говорил в Токио полпреду СССР тов. Сметанину, а также в только что имевшей место беседе с тов. Молото-

²⁰⁴ Нихон гайко нэмппё нараби сюё бунсё (Хронология японской дипломатии и основные документы). Токио, 1965. Т. 2. С. 481.

вым. Поэтому, не желая утруждать тов. Сталина, просит тов. Сталина о подробностях осведомиться у тов. Молотова. Далее Мацуока говорит, что если тов. Молотов найдет нужным, то он, Мацуока, после своего возвращения из поездки в Германию и Италию сможет иметь несколько встреч с тов. Молотовым относительно улучшения японо-советских отношений. Тут же Мацуока указывает, что его убеждение в отношении улучшения отношений между Японией и Россией зародилось еще 30 лет тому назад, поэтому не является новым, и лично он имеет решимость улучшить японо-советские отношения.

Тов. Сталин отвечает, что желание Мацуока остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться, и заявляет, что улучшение отношений между СССР и Японией он считает не только необходимым, но и вполне возможным, и если новая встреча с Мацуока будет необходима, то он будет к услугам Мацуока.

Мацуока говорит, что он разделяет мнение тов. Сталина относительно улучшения отношений между обеими странами, и напоминает, что перед своей поездкой в Женеву в 1932 году он имел беседу с тогдашним военным министром и министром иностранных дел, которые дали согласие на ведение переговоров о заключении пакта о ненападении. Однако общественное мнение Японии было против заключения пакта о ненападении и поэтому его усилия не увенчались успехом.

На вопрос тов. Сталина, было ли это в тот период, когда министром иностранных дел был Иосидзава, Мацуока отвечает, что тогда министром иностранных дел был Учида.

Мацуока еще раз повторяет, что в тот период он вел беседу относительно заключения пакта о ненападении между Японией и СССР с тогдашним военным министром Араки, министром Учида и они дали свое согласие на то, чтобы Мацуока говорил в Москве относительно пакта, хотя главной задачей, говорит Мацуока, была его работа как главы делегации Японии в Женеве. Поскольку, продолжает Мацуока, Араки и Учида согласились на заключение пакта, то они имели моральное обязательство поддерживать его в этом отношении, но общественное мнение еще не созрело для того, чтобы пакт был заключен. Тут же Мацуока добавляет, что еще и сейчас имеется группа лиц, которые возражают против заключения пакта о ненападении, однако он вместе с Коноэ имеют решительное мнение улучшить отношения между обеими странами.

Затем Мацуока говорит, что так как тов. Сталин очень занят, он не хочет отнимать у него драгоценного времени, но если тов. Сталин смог бы уделить ему еще минут 20, то у него имеются для сообщения тов. Сталину два вопроса, о которых он просил бы подумать до его возвращения из Берлина и Рима.

Тов. Сталин отвечает, что так как Мацуока редкий гость, то он готов удовлетворить просьбу Мацуока.

1. Мацуока говорит, что, как известно, в Японии верховная власть находится в руках Тенно. На иностранный язык Тенно обычно переводится как император. Однако это не верно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я бы назвал, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет. Далее, например, сравнительно небогатый человек, видя какого-нибудь бедного мальчика, дает ему денег на учебу и, таким образом, оказывает свое посильное содействие.

На вопрос тов. Сталина, не есть ли это путь императора, Мацуока говорит, что он назвал бы это моральным коммунизмом, ибо Тенно — это государство, и все принадлежит ему. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжает Мацуока, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство и которая называет принцип своей политики японским словом Хаккоиццу (Хакко ити у. — А.К.), что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливо-

сти. Все это, указывает Мацуока, имелось и раньше, но было ущемлено капитализмом и либерализмом, поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англосаксов. С этой целью, добавляет Мацуока, был заключен пакт трех держав, при заключении которого не считались с мелкими интересами.

После этого Мацуока говорит, что если тов. Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то мы, заявляет Мацуока, готовы идти рука об руку с вами. При этом Мацуока выражает надежду, что до его возвращения из Берлина тов. Сталин сможет обдумать то, что сказал Мацуока.

2. Затем, касаясь японо-китайской войны, Мацуока говорит, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения. В связи со сказанным им Мацуока просит учесть намерения Японии в Китае.

На вопрос тов. Сталина, должен ли он ответить сейчас, Мацуока заявляет, что он изложил лишь общую мысль и хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал над теми вопросами, которые затронул Мацуока, и дал бы ответ после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что он может коротко ответить даже сейчас.

Мацуока говорит, что будет лучше, если тов. Сталин ответит после возвращения Мацуока из Берлина.

Тов. Сталин говорит, что если Мацуока так хочет, то можно отложить и дать ответ после возвращения Мацуока. При этом тов. Сталин говорит, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон. Со своей стороны тов. Сталин указывает, что ему известно, что никакая идеология не мешает тому, чтобы практически поставить вопрос о взаимном улучшении отношений. Что же касается англосаксов, говорит тов. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить. Далее тов. Сталин заявляет, что то, что в Японии хотят, чтобы государство стало контролером отдельных капиталистов, уже продельвается в Германии и Италии. Это хорошо. Государство только в том случае может усиливаться, если оно является полным контролером всего народа и всех классов.

Мацуока отвечает, что он глубоко убежден в том, что без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами.

В заключение Мацуока благодарит тов. Сталина за прием.

Тов. Сталин говорит, что благодарить не стоит, так как это его обязанность как хозяина, а Мацуока у него гость.

На вопрос тов. Сталина, как прошло путешествие Мацуока и были ли неудобства в поездке, Мацуока заявляет, что поездка его прошла очень хорошо, и он благодарит Советское Правительство за оказанный ему прием. При этом Мацуока замечает, что, путешествуя по Сибирской железной дороге, он отдохнул после большой работы в Токио.

В заключение беседы тов. Сталин просит Мацуока передать поклон Риббентропу. Тов. Молотов присоединяется к этому и также просит Мацуока передать поклон Риббентропу.

На этом беседа заканчивается.

На беседе присутствовали тов. Молотов, Татекава и Миякава.

Записал Забродин²⁰⁵.

²⁰⁵ Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23, 24 дек. С. 72–74.

Как видно из содержания беседы, Мацуока в форме прозрачных намеков, пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР в той или иной форме к Тройственному пакту. При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англосаксов» «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Как известно, решение о нападении Германии на Советский Союз было принято Гитлером в конце июля 1940 года. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года»²⁰⁶, — сказал Гитлер 31 июля на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии. Поэтому предложение немцев советскому правительству присоединиться к Тройственному пакту можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений по отношению к СССР. Отсюда предложение Риббентропа уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. «подумать о форме, в которой три государства, то есть Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР»²⁰⁷.

Во время бесед Молотова с Гитлером последний прямо заявил, что «он предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом (Тройственном. — А.К.) пакте». При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «...Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию европейских государств друг на друга, и мы хотим их исключить из Европы. Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами, чем если мы будем стоять друг против друга грудью и будем бороться друг против друга»²⁰⁸.

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников «проектируемого» союза: «Интересы Германии идут в Восточной и Западной Африке, Италии — в Северо-Восточной Африке, Японии — на юге, а у СССР — там же на юге — к Персидскому заливу и Аравийскому морю...» Риббентроп предложил договориться СССР, Германии, Италии и Японии в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал Молотову в Берлин следующее указание: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов»²⁰⁹.

Согласно последним исследованиям российских историков, германская инициатива о подключении СССР к Тройственному пакту была не чем иным, как блефом, призванным убедить Сталина в отсутствии у Германии намерения ухудшать отношения с Советским Союзом. Вместе с тем признается, что в свою очередь блефовало и советское руководство, чтобы не дать Берлину повод обвинить его в нежелании поддерживать добрососедские отношения с Германией. В книге «Вторая мировая война. Актуальные проблемы» говорится: «25 ноября 1940 г. Молотов сделал заявление германскому послу в Москве, согласно которому Советское правительство было готово принять изложенный 13 ноября Риббентропом “Проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи” при условии, если “германские войска немедленно покинут Финляндию”, если Советскому Союзу в течение

²⁰⁶ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 80.

²⁰⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 36.

²⁰⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 46, 65.

²⁰⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 61–62.

ближайших месяцев удастся гарантировать свою безопасность со стороны черноморских проливов... если “центром территориальных устремлений” СССР будет признана “зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива”, если Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

Совершенно ясно, что условия, выдвинутые СССР, были заведомо неприемлемы для Германии и ее союзников... Не случайно, что ответа из Берлина на советские условия так и не последовало, на чем Москва, впрочем, особенно и не настаивала»²¹⁰.

Что касается Мацуоки, то, отправляясь в Европу, он считал, что идея подключения СССР к Тройственному пакту еще жива и может быть использована для японо-советского политического урегулирования на японских условиях. Главная же цель встреч Мацуоки с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР, и, если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса»²¹¹.

В Японии не могли не понимать, что в стратегическом плане Германия отводит своему дальневосточному союзнику роль младшего партнера, который должен таскать для нее «каштанов из огня». Подозрения японцев в искренности германского союзника неизмеримо усилились бы, знай они об истинной оценке Гитлером японских руководителей.

22 августа 1939 г., накануне подписания германо-советского соглашения о ненападении, фюрер, собрав в своей загородной резиденции приближенных генералов, разразился тирадой: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко может смести революция... Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как к лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут»²¹².

Будучи заинтересованным в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился подчеркнуто радушно принять японского министра, ведя с ним переговоры «на равных». С 27 по 29 марта Мацуока провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам Гитлера Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур»²¹³.

Отвечая на вопрос Мацуоки о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «...Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

²¹⁰ Кульков Е.Н. Блок агрессоров: мифы и реальность // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 238–239; см. также: Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 384–393.

²¹¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1989. Т. 3. С. 630; Полный текст директивы № 24 см.: Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2002. Кн. 4. С. 106–107.

²¹² Ikle F. W. German — Japanese Relations 1936–1940. New York, 1956. P. 133.

²¹³ Тайсэн-но хироку. С. 393.

Что касается вступления России в Тройственный союз, о чем со стороны Германии было сделано предложение Молотову, то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять»²¹⁴, — заявил Риббентроп. Не раскрывая содержание плана «Барбаросса» и не упоминая о нем, Риббентроп тем не менее счел возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убеждая своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»²¹⁵.

Гитлер также склонял Мацуоку к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведуправления генштаба армии полковник Я. Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее Мацуока заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуоки подарок — японскую картину-свиток (какэдзiku) с изображением горы Фудзи — рейхсмаршал Г. Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию, с тем чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него»²¹⁶.

Более откровенно Мацуока говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуоку «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии»²¹⁷. О причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы скорее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление сделанное Мацуокой в беседе с Риббентропом важное заявление о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»²¹⁸.

²¹⁴ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 635.

²¹⁵ Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 22.

²¹⁶ Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936–1945. New York, 1970. P. 66.

²¹⁷ Fuhrer Conferences on matters dealing with German Navy, 1941. Vol. 1. Washington, 1947. P. 53.

²¹⁸ ГАРФ, ф. 7876, оп. 2, д. 272, л. 12–14.

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно не договаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании — это лишь вопрос времени. Великобритания должна быть разбита»? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые Мацуока видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на западе и востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как «50 на 50». «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)»²¹⁹, — заявил он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки. Но это будет потом. А пока предстояли переговоры в Москве.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. В то же время японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободы действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними — добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был кроме всего прочего затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр К. Оикава с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом»²²⁰.

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуокой, советское руководство из сообщений Р. Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Ф. Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «... Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких воен-

²¹⁹ Japan's Decision for War. P. 58.

²²⁰ Japan's Decision for War. P. P. 59.

ных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством»²²¹.

Как уже отмечалось, советскому правительству было не просто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом Тройственного пакта неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, что, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал, хотя и ненадежные и явно временные, все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации одновременно с подписанием пакта японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю»²²². Неожиданно в гостиничном номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Долгие годы полный текст состоявшейся 12 апреля 1941 г. беседы Сталина с Мацуокой оставался неопубликованным и хранился в сталинском архиве. Лишь в последнее время этот имевший гриф «Совершенно секретно. Особая папка» важный документ стал доступен исследователям.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «давить» партнеров, добиваться от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда казалось, что соглашения уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной беседе. Уже паковавший чемоданы Мацуока был поставлен в ситуацию, когда не ответить положительно на предложенные Сталиным компромиссы было просто неактично. Тем более что предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Японии никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию в целом на устраивавших Японию условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же демонстрировавшиеся Сталиным откровенность и примирительный дружественный тон убеждали Мацуоку, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

²²¹ Русский архив. Т. 18. С. 173.

²²² Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 748.

Мацуока являлся единственным японским крупным политиком, с которым Сталин вел переговоры лично. Поэтому, думается, важны все нюансы состоявшегося разговора и соглашения, во многом определившего последующие события в мире.

Сов. секретно

Особая папка

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

Тов. СТАЛИНА И.В. С МИНИСТРОМ

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ МАЦУОКА

12 апреля 1941 года

Мацуока благодарит тов. Сталина за радушный прием в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время его пребывания в СССР, а также благодарит за то, что тов. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Однако его желание не увенчалось успехом. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое. Мацуока говорит, что так как он был в старой России, а также в СССР проездом 8 лет тому назад, то он мог сравнить то, что было раньше и что имеется теперь, и с удовлетворением констатирует необыкновенный успех в развитии СССР. Двукратная встреча с тов. Сталиным породила в нем такое чувство, что он стал считать себя близким и знакомым для тов. Сталина. То же самое, говорит Мацуока, он может сказать о своих отношениях с тов. Молотовым, с которым он имел несколько встреч. Мацуока думает, что такое личное знакомство может способствовать дальнейшему развитию отношений между Японией и СССР.

Затем Мацуока напоминает, что еще вчера он говорил тов. Молотову о том, чтобы последний навестил Японию с тем, чтобы он, Мацуока, мог ответить ему за тот радушный прием, который ему был оказан в СССР. Мацуока указывает, что не только заключение договоров или соглашений, но также и личные визиты являются составной частью дипломатии. Личные визиты, а также ответные визиты могут способствовать сближению двух стран и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После этого Мацуока просит разрешения высказаться по следующим моментам.

Первое. Япония имеет с Германией союзный договор. Однако из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику — пакт трех не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством.

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии.

Если, продолжает Мацуока, подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. Мацуока далее указывает, что во время нахождения Стамера (Штамера. — А.К.) в Японии Мацуока говорил ему о том, чтобы Германия точно так же смотрела в том случае, если СССР будет стремиться выйти к теплому морю через Иран.

Мацуока заявляет, что у него с молодых лет сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англо-саксов. Чан Кайши — агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех.

Пятое. Это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма. Тут же Мацуока добавляет, что его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитала из Азии. Что же касается вопроса о том, чей коммунизм лучше — ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее.

Далее Мацуока говорит, что он хочет отметить следующий момент, чтобы не было недоразумений. Когда он говорил о моральном коммунизме, то это не означало, что весь японский народ и все японцы являются последователями морального коммунизма. Много болезней капитализма, который пришел в Японию более полвека тому назад, сказалось в распространении индивидуализма и капитализма среди японского народа. В Японии идет не явная, но жестокая борьба между капитализмом и моральным коммунизмом, и он уверен в том, что Япония сможет вернуться к моральному коммунизму.

Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов заявлял Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Гитлер заявил тогда тов. Молотову, что он в военной помощи пока не нуж-

дается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел. Если Мацуока заметил по печати, добавляет тов. Сталин, то и теперь Гитлер заявляет, что он не нуждается в военной помощи других государств. Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому, указывает тов. Сталин, мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте о нейтралитете с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам. Этот вопрос, говорит тов. Сталин, по его мнению, уже назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но мир не принес дружбы. Поэтому он присоединяется к мнению Мацуока о том, что если пакт о нейтралитете будет заключен, то это будет действительно поворотом от вражды к дружбе.

Далее тов. Сталин переходит к вопросу пакта о нейтралитете и говорит, что, как ему уже сообщил тов. Молотов, у Мацуока нет возражений против текста пакта и только один пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывает сомнения. Тов. Сталин говорит, что он не возражает против того, чтобы это место из пакта было исключено, но тогда может получиться так, что между Японией и СССР будет существовать пакт, а поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Целесообразно ли это? — спрашивает тов. Сталин. Он говорит, что нужно в той или иной форме сказать также относительно МНР и Маньчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР может напасть на Маньчжоу-Го, в результате чего будет война между СССР и Японией.

Мацуока говорит, что он не возражает против существа дела, и предложение Советского Правительства он передал японскому правительству. Так как, указывает Мацуока, у Японии с Маньчжоу-Го не союзные отношения, то он считает, что лучше о Маньчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Тов. Сталин говорит, что это все равно, и, значит, здесь разногласий между обеими сторонами тоже нет и, следовательно, остаются разногласия только относительно протокола о ликвидации концессий.

Мацуока заявляет, что против пакта у него никаких возражений нет, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то, так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей тов. Молотову конфиденциального письма и сейчас подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с тов. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался, и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли и теперь действительно мы имеем настоящие стремления к улучшению отношений, а не игру.

Тов. Молотов добавляет, что у него от переговоров с Мацуока такое же впечатление, как и у тов. Сталина.

Далее тов. Сталин говорит, что он с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, еще Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со

своими противниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Хорошо, продолжает тов. Сталин, допустим, что мы протокол о ликвидации концессий заменим письмом Мацуока, на которое, очевидно, будет дано ответное письмо тов. Молотова. Письмо Мацуока придется пришить к договору, как не подлежащее публикации. Если так, то, может быть, можно было бы внести в это письмо некоторые редакционные поправки.

Мацуока заявляет, что он вообще не хочет сказать, что он не может выполнить своего обещания и потому он дает свое письмо и просит ответить ему письмом тов. Молотова. Мацуока при этом указывает, что, как он уже говорил Молотову, самым лучшим и коренным способом разрешения вопроса была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях.

Тов. Сталин спрашивает — ликвидация концессий?

Мацуока отвечает — да, и добавляет, что он не будет откладывать этого дела в долгий ящик.

Затем тов. Сталин передает Мацуока текст письма Мацуока с редакционными поправками.

Мацуока говорит, что он не может взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2–3 месяца, так как ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого, и если бы он мог согласиться на ликвидацию концессий, то для него это уже сейчас было бы не трудным делом.

Тов. Сталин спрашивает, — к чему в таком случае сводится значение письма Мацуока без поправок?

Мацуока говорит, что в беседах между ним и тов. Молотовым точки зрения обеих сторон стали очень ясны. Он ставил вопрос о продаже Японии Северного Сахалина, что было бы коренным разрешением вопроса, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти другой выход и идти по линии протокола. Мацуока заявляет, что он будет стараться работать в этом направлении, и здесь будет добрая воля, а не игра. Мацуока просит верить ему и довольствоваться его первоначальным письмом и указывает, что будет лучше, если он вернется в Японию свободным и не связанным. Мацуока заявляет, что он имел инструкцию, в которой говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Тов. Сталин подходит к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, говорит: Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан, — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит тов. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?

Мацуока говорит, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, говорит Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплему морю. В Индии, добавляет Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение Мацуока говорит, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

Тов. Сталин спрашивает: а зачем вам нужны холодные районы Сахалина?

Мацуока отвечает, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того, Япония согласна на выход СССР к теплему морю.

Тов. Сталин отвечает, что это дает спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

Далее Мацуока, указывая на район южных морей и Индонезии, говорит, что если СССР что-либо нужно в этом районе, то Япония может доставить СССР каучук и другие продукты. Мацуока говорит, что Япония хочет помогать СССР, а не мешать.

Тов. Сталин отвечает, что взять Северный Сахалин — значит мешать Советскому Союзу жить.

Далее, возвращаясь к поправкам в тексте письма, Мацуока говорит, что не возражает против того, чтобы вместо слов: «в течение 2–3 месяцев», указать: «в течение нескольких месяцев».

Тов. Сталин соглашается с этим.

Мацуока далее заявляет, что так как СССР не хочет продать Японии Северный Сахалин (в этот момент тов. Молотов бросает реплику: «Это невозможно», а тов. Сталин говорит, улыбаясь: «Япония хочет нас задушить, какая же это дружба»), то остается другой выход по линии протокола. Что же касается вопроса о том, сколько нефти будет поставлять СССР Японии — 100 тыс. тонн или несколько больше, то об этом нужно говорить потом. Одним словом, говорит Мацуока, он будет прилагать все свои усилия к разрешению вопроса о концессиях.

Тов. Сталин предлагает в текст письма Мацуока внести поправку: вместо «...вопрос, касающийся концессий...», написать «...вопрос, касающийся ликвидации концессий».

Мацуока соглашается с этим и далее говорит, что ему теперь придется испросить полномочий императора на подписание пакта о нейтралитете, и просит тов. Молотова дать распоряжение на Центральный телеграф о том, чтобы там ни одной минуты не задерживали телеграмму из Токио.

Тов. Молотов говорит, что он это сделает.

В заключение беседы тов. Сталин, тов. Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Го и т. д.

С японской стороны были выделены Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто и Хираока.

С советской стороны были выделены тт. Вышинский, Лозовский, Павлов А.П. и Царапкин.

На беседе присутствовали тов. Молотов, японский посол Татекава и советник Миякава. Беседа продолжалась около двух часов.

Записал Забродин»²²³.

В ходе беседы Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете. Статья 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В статье 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны другой или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Статья 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

В предложенном тексте пакта отсутствовали какие-либо условия и обязательства по другим вопросам. Это облегчало заключение договора.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении террито-

²²³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 560–565.

риальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царил атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуоки Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же как Ваша для Вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад военных в заключение соглашения.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации, — заметил в ответ Мацуока. — На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз»²²⁴. Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия — это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу»²²⁵.

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем он неожиданно появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуоку. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только японцам, но и немцам.

Зная, что среди провожавших Мацуоку был и германский посол в Москве фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены»²²⁶.

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»²²⁷. Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Х. Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР»²²⁸.

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, сви-

²²⁴ Мацуока Ёсукэ — соно хито то сёгай (Мацуока Ёсукэ — человек и его карьера). Токио, 1974. С. 879–881.

²²⁵ Bergamini D. Op. cit. P. 749.

²²⁶ Bergamini D. Op. cit. P. 749.

²²⁷ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Токио, 1963. Т. 5. С. 300.

²²⁸ Тайхэйё сэнсо си. Токио, 1972. Т. 4. С. 66.

детельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, — заявил он, — с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии»²²⁹.

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Хоцуми Одзаки, неофициальный советник премьер-министра Ф. Коноэ. — А.К.) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуоки телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...»²³⁰

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. — А.К.) Такахаси заявил журналистам: “СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет и они со своих позиций не уйдут”. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны»²³¹.

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с СССР. Тем не менее он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне войны. Однако Сталин недооценил коварство государств-агрессоров, их изощренные методы дезинформации противника. Германское вероломное нападение на СССР и проявленная готовность Японии присоединиться к этому нападению с востока означали разрушение выстроенной Сталиным дипломатической конструкции на международной арене. Как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

²²⁹ ГАРФ, ф. 7876, оп. 1, д. 275, л. 62.

²³⁰ Русский архив. Т. 18. С. 176.

²³¹ Русский архив. Т. 18. С. 177.

Глава 4. Удар на Север или Юг?

Стратегия коварства

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР»²³². Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР»²³³.

После этого в течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определились три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы, осуществив план экспансии на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего, невзирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии»²³⁴.

Наконец, было немало сторонников того, чтобы готовиться к войне как на севере, так и на юге, и выжидать, приняв окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая в ответ на запрос Мацуоки Риббентроп через посла Осима со всей определенностью сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание»²³⁵. Об этом же Осима информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава»²³⁶.

В связи с этим интерес представляют опубликованные в последние годы оригиналы разведдонесений Р. Зорге в Москву в мае — июне 1941 г.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве

²³² Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 243–244.

²³³ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 248.

²³⁴ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. New York, 1971. P. 743.

²³⁵ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 / Пер. с яп. М., 1973. С. 43.

²³⁶ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.: Л., 1950. С. 254–255.

зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не мешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба»²³⁷.

Эти данные соответствовали содержанию передаваемых из Берлина Осимой телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведданных Зорге. И это объяснимо — ведь информацию Зорге черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая он сообщил в Москву: «...Отто узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет по меньшей мере в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио. — А.К.) следят за перебросками советских войск с востока на запад»²³⁸.

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнется...»²³⁹ Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня, советское руководство было проинформировано из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Ходзуми Одзаки. — А.К.) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии»²⁴⁰.

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к новой ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства — таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии. — А.К.), Совет министров, которые собираются почти ежедневно»²⁴¹.

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию»²⁴². При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»²⁴³.

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективы одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать дипломатическими средствами;

²³⁷ Русский архив. Т. 18. С. 179.

²³⁸ Русский архив. Т. 18. С. 180.

²³⁹ Русский архив. Т. 18. С. 181.

²⁴⁰ Русский архив. Т. 18. С. 183.

²⁴¹ Русский архив. Т. 18. С. 182.

²⁴² Тайхэй сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 458.

²⁴³ Тайхэй сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972. Т. 4. С. 84.

в) министр иностранных дел высказывал уверенность, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на окончание войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на уверенности в краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае, если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуоки. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«*Министр иностранных дел Мацуока*: Подписание пакта о нейтралитете (с СССР. — А.К.) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР. — А.К.). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии. — А.К.), что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана. — А.К.): Какое впечатление произвели Ваши слова на советского посла?

Мацуока: «Япония сохраняет спокойствие, но ясности — никакой», — сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто: Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и нелояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока: Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Военный министр Тодзио: Переброска войск с Дальнего Востока на Запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава: От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обстановке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать (и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки

передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока: Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобританией. Почему же Вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава: Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока: ... Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры: Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока: В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто: Что бы вы ни предприняли, не допускайте поспешности в действиях»²⁴⁴.

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководстве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии:

«...5. Генералы Араки и Сиды с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В правительстве сейчас идет очень сложная борьба — проангличане и проамериканцы были ярыми противниками СССР, но под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что «теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам».

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ... Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки»²⁴⁵.

²⁴⁴ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн. С. 445–446.

²⁴⁵ Русский архив. Т. 18. С. 183–184.

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на юге, так и на севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае²⁴⁶.

Эти положения легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками вышеуказанных трех точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии сделан не был. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

Из стенограммы 33-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания. Проект документа “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки”».

Мацуока: Мне не понятна фраза «предпринять шаги для продвижения на Юг» и слово “также” в фразе “также разрешить северную проблему”...

Начальник генерального штаба армии Сугияма: Что Вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее — Юг или Север?

Мацуока: Совершенно верно.

Сугияма: Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока: Означает ли фраза “предпринять шаги для продвижения на Юг”, что мы не предпримем действий на Юге в ближайшее время?..

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада: Хорошо, выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будут зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым — Север или Юг...

²⁴⁶ Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1974. Ч. 2. С. 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.